Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (22), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105
https://elibrary.ru/KULDVZ

© 2023. Николай Подосокорский

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»

© 2023. Nikolay N. Podosokorsky

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Napoleon-Sun in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*

Информация об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 г. Москва, Россия.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена историко-культурному сращению наполеоновского и солярного мифа и его отражению в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Призыв следователя Порфирия Петровича к Родиону Раскольникову при их третьей беседе «стать солнцем» затрагивает не только христианскую, о чем уже ранее писали многие исследователи, но и наполеоновскую сторону личности героя, который пытается стать новым петербургским законодателем человечества.

Особое внимание в статье уделено эволюции понятия «Солнце Аустерлица», под которым обычно понимают наивысший триумф Наполеона за всю его военную карьеру, и многовековой традиции отождествления великих правителей с Солнцем (Александр Македонский, Юлий Цезарь, Людовик XIV, Наполеон и др.).

Подробно рассматривается становление солярного культа Наполеона в период Первой империи во Франции и роль солнца в романе «Преступление и наказание». Объясняется, почему Раскольников, само имя которого — Родион — отсылает к острову Родос, посвященному богу Солнца Гелиосу, упоминает

самые разные битвы и кампании с участием своего кумира (Тулон, Египетский поход, переход через Альпы, война 1812 года, Ватерлоо и проч.), но совершенно игнорирует битву при Аустерлице, а солнце, с которым сталкивается герой, почти всегда *заходящее*.

Кроме того, в статье прослеживается связь Наполеона и Аполлона в европейской культуре первой половины XIX века и в творчестве Достоевского.

Ключевые слова: «Преступление и наказание», Родион Раскольников, Наполеон, наполеоновский миф, солярный миф, наполеоновская легенда, Аполлон, Непобедимое Солнце, Солнце Аустерлица, битва при Ульме, битва при Аустерлице.

Для цитирования: *Подосокорский Н.Н.* Наполеон-Солнце в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 57–105. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105

Information about the author: Nikolay N. Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, Research Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-6310-1579

E-mail: n.podosokorskiy@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the historical and cultural fusion of the Napoleonic and solar myth and its reflection in Dostoevsky’s novel *Crime and Punishment*. The plea of investigator Porfiry Petrovich to Rodion Raskolnikov during their third conversation “to become the sun” affects not only the Christian, as many researchers have already noticed, but also the Napoleonic side of the personality of the hero, who is trying to become the new Petersburg’s legislator of humanity.

Special attention is paid to the evolution of the concept of “the Sun of Austerlitz,” which is usually understood as the highest triumph of Napoleon during his entire military career, and the centennial tradition of identifying great rulers with the Sun (Alexander the Great, Julius Caesar, Louis XIV, Napoleon, etc.).

The formation of the solar cult of Napoleon during the First Empire in France and the role of the sun in the novel *Crime and Punishment* are considered in detail. It is explained why Raskolnikov, whose name Rodion refers to the island of Rhodes, dedicated to Helios, the god of the sun, mentions a variety of battles and campaigns involving his idol (the Siege of Toulon, the Egyptian campaign, the crossing of the Alps, the War of 1812, Waterloo, etc.) but completely ignores the Battle of Austerlitz, and why the sun the hero comes across is almost always *setting*.

In addition, the article traces the connection between Napoleon and Apollo in the European culture of the first half of the 19th century and in Dostoevsky’s work.

Keywords: *Crime and Punishment*, Rodion Raskolnikov, Napoleon, Napoleonic myth, solar myth, Napoleonic legend, Apollo, Sun of Austerlitz, Battle of Ulm, Battle of Austerlitz.

For citation: Podosokorsky, N.N. “Napoleon-Sun in Dostoevsky’s Novel *Crime and Punishment*.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (22), 2023, pp. 57–105. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-57-105

В романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (1866), главный герой которого видит себя новым Наполеоном и много говорит и рассуждает о французском императоре, на первый взгляд, как будто совершенно игнорируется важнейший солнечный аспект наполеоновского мифа[1]. Традиционно литературоведы, в первую очередь, изучают то, что в тексте непосредственно представлено, но нередко едва ли не большее значение для понимания произведения приобретает исследование различных умолчаний и нарочитого отсутствия того, что, казалось бы, в нем непременно должно быть.

Время от времени Родион Раскольников затрагивает самые разные вехи наполеоновской карьеры. Он вспоминает и об осаде Тулона (1793) [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211, 319], и о подавлении вандемьерского мятежа в Париже (1795) [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211–212], и о египетской кампании Бонапарта (1798–1799) [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211, 319], и о переходе через Монблан (1800) [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 319][2], и о Московском походе (1812) [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211], и даже о битве при Ватерлоо (1815) [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211], но при этом по непонятной причине исключает из поля внимания главный триумф своего кумира — битву при Аустерлице, прочно связанную в наполеоновской легенде с солярным мифом.

Солнце Аустерлица

Странное отсутствие упоминания Аустерлицкой битвы в «Преступлении и наказании» попытался было восполнить Д.С. Мережковский. В сочинении «Л. Толстой и Достоевский» (1902), рассматривая наполеонизм Раскольникова, он просто добавляет от себя недостающий «пазл»: «Мы подавлены пафосом исторической дали, **ослеплены “солнцем Аустерлица”**. Наполеон, пирамиды, Ватерлоо — и тощая, гаденькая регистраторша, старушонка-процентщица с красною укладкою под кроватью — где же им переварить! “Полезет ли, дескать, Наполеон под кроват

1 За идею этой статьи я благодарю мою коллегу — Татьяну Георгиевну Магарил-Ильяеву, чтение работы которой о «новом» в творчестве Ф.М. Достоевского натолкнуло меня на мысль написать о солнечной стороне наполеоновского мифа.

2 В черновиках и подготовительных материалах к роману также упоминается битва при Маренго (1800) [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 93, 152].

к старушонке!” А ведь и в самом деле, если только “эстетика нам не помешает”, мы признаем, что для критики чистой нравственности разгром Тулона и залезание под кровать к старушонке за красною укладкою — одно и то же» [Мережковский, 2000, с. 256]. Мережковский не обращает специально внимания на то, что сам Достоевский выражение «солнце Аустерлица» в этом романе не употребляет, но считает само собой разумеющимся его использование при анализе наполеоновского мифа в произведении.

Значение Аустерлица в жизни Наполеона, действительно, сложно переоценить. Историк А.С. Трачевский так пишет о нем: «Он — основа миродержавия “рокового человека” и исходная точка пяти великих кампаний (1805–1809), сопровождавшихся развалинами старины. Сам Наполеон гордился больше всего “солнцем Аустерлица”» [Трачевский, 1900, с. 58]. Практически сразу память об Аустерлице была положена в основу конструирования политического культа императора. «Так, уже в 1805 г. вышло множество эстампов, в центре которых были не французские солдаты, но, прежде всего, Наполеон-герой и Наполеон-победитель. [К] формированию образа Наполеона как великого полководца и опоры Франции были призваны многочисленные оды и поэмы, авторы которых стремились закрепить в сознании общества великий триумф императора» [Постникова, 2020, с. 256]. В 1806 году были созданы и музыкальные произведения «Большая битва при Аустерлице, называемая Битвой трех императоров; исторический факт, переложенный для фортепиано» Луи Эмманюэля Жадена (1768–1853) и «Битва при Аустерлице» Жана-Мари Боварле-Шарпантье (1766–1834). Л.В. Кириллина отмечает особенно значимую для Жадена «идиллическую картину рассвета» в воссоздании им начала Аустерлицкого сражения [Кириллина, 2003].

«Аустерлиц» неизменно присутствовал в любом, даже самом кратком, перечислении главных символов наполеоновской славы. Т. Талычова в статье «Беранже и его переводчик», посвященной разбору книги «Моя биография. Посмертное сочинение Беранже» и опубликованной в девятом номере «Отечественных записок» за 1862 год, так описывает наполеоновский культ во Франции 1830-х годов: «Французы, упоенные славой империи, прощали Наполеону его деспотизм; но новое правительство не искупало ничем своих ошибок. Призрак императора облекся в новый ореол и в небывалую еще поэзию. Святая Елена искупила всю кровь, пролитую победите-

лем. Народ, отданный в жертву аристократам, покинувшим Францию в минуту кризиса и возвратившимся теперь в свои опустевшие замки, вспоминал с любовью об империи. “Вне Франции — писал Гейне в 1832 году — нельзя составить верного понятия о любви французов к Наполеону. Наполеон — это магическое слово, которое воспламеняет и **ослепляет** их. Точно так же, как евреи не произносят всуе имени своего Бога, здесь редко произносят имя императора, а называют его обыкновенно *человек*. Его изображение видно всюду, печатное и изваянное: из гипса, металла или дерева. На бульварах и в закоулках встречают ораторов, прославляющих *человека*, народных песенников, воспевающих его славу. Вчера вечером, возвращаясь домой темной улицей, я увидал перед сальным огарком, поставленным наземь, ребёнка лет трех, который повторял едва внятно песню, сложенную в честь великого императора. В ту минуту, как я бросил ему су, ко мне подошел изувеченный бедняк и просил также милостыни. Он умолял меня не именем Бога, но говорил с самой искренной верой: *Во имя Наполеона, дайте мне что-нибудь”*.

Как скоро автор вклеит в маленький водевиль воспоминание об империи, или когда император является сам на сцену, то как ни плоха пьеса, она осыпана рукоплесканиями; сердца зрителей сильно затронуты, и публика аплодирует своим собственным чувствам и личным воспоминаниям. Есть водевильные куплеты, которые действуют на французские головы, как удар молотка и приводят их чуть не в бред, или исторгают у них слезы, как лук, поднесенный к глазу. Вся эта голодная толпа кричит, плачет, беснуется и окончательно воспламеняется при словах: “Французский орел”, “солнце Аустерлица”, “Иена”, “Пирамиды”, “великая армия”, “честь”, “старая гвардия”, “Наполеон”. Знай наших — какая мы храбрая нация! Восторг доходит до последних границ, когда сам *человек* является в конце представления, как deus ex machina» [Талычова, 1862, с. 22–23].

Родион Раскольников из этого почти *канонического* ряда наполеоновских символов использует только «пирамиды», «честь» и само имя Наполеона, отбрасывая все остальное и заменяя его тем, что было перечислено в начале данной статьи.

Не вполне ясно, когда впервые была произнесена фраза о «солнце Аустерлица», ставшая метафорой абсолютной и безусловной победы, но после сражения 2 декабря 1805 года, совпавшего с первой годовщиной коронации Наполеона в Соборе Парижской Богоматери в Париже, ее часто повторял словно заклинание сам Наполеон

[Скотт, 1831–1832, ч. 6, с. 24], [Соколов, 2006, т. 2, с. 41]. Описывая в «Истории Консульства и Империи» (1845–1862) начало Аустерлицкого сражения, Адольф Тьер отмечает: «Наконец взошло солнце и, рассеяв туман, залило светом обширное поле сражения. Это было солнце Аустерлица, воспоминания о котором, несомненно, никогда не сотрутся из памяти поколений будущих» [Тьер, 2013–2014, т. 1, с. 348]. К. Штахель в своем разборе 1856 года «Истории Консульства и Империи» Тьера отмечает, что к войне 1812 года «солнце Аустерлица» стало для французской армии «как бы религиозным догматом» [Отечественные записки, 1856, Иностранная литература, с. 25].

Илл. 1. Солнце Аустерлица. Гравюра по рисунку Феликса-Эмманюэля-Анри Филиппото (1815–1884).
Fig. 1. The Sun of Austerlitz. Print based on an illustration by Henri Félix Emmanuel Philippoteaux (1815–1884).

Перед Бородинским сражением в 1812 году Наполеон произнес: «Сегодня немного холодно, но всходит прекрасное солнце. Это солнце Аустерлица» [Земцов, 2022, с. 379][3], однако, исход сражения

[3] Об этом высказывании Наполеона накануне Битвы у Москвы-реки пишут в своих мемуарах бригадный генерал Ф.-П. де Сегюр (1780–1873), участник Московского похода [Сегюр, 2002, с. 97] и камердинер императора Констан (1778–1845), сопровождавший

не оправдал его ожиданий. В историческом романе Р.М. Зотова «Два брата, или Москва в 1812 году» (1850) его слова переданы таким образом: «Наконец взошло солнце, и Наполеон воскликнул своему войску, что встающее солнце *есть солнце Аустерлица!* На этот раз он ошибся» [Зотов, 2013, т. 2, с. 481].

Это крылатое выражение было подхвачено и осмыслено многими мемуаристами, историками, писателями, философами и поэтами. Участник Московского похода 1812 года Луи-Эжен-Антонен Лабом (1783–1849) вспоминает об этой кампании, которая поначалу складывалась относительно удачно для Наполеона: «Суеверный народ, ждавший давно зимы как своей мстительницы, отчаивался в помощи Провидения и, очевидно, видел в этом факте покровительство Наполеону самого Бога. Это явное покровительство ослепляло и Наполеона и заставляло думать, что климат Москвы похож на климат Парижа. В своем безумном тщеславии он надеялся командовать временами года, и так же, как он командовал людьми, и, веря в свою счастливую звезду, воображал, что солнце Аустерлица будет светить ему вплоть до полюса или что по его приказанию так же, как по приказанию Иисуса Навина, солнце остановится, чтобы дать ему возможность продолжать его праздное странствование» [Наполеон в России, 2004, кн. 1, с. 368].

О меркнущем в 1812 году «солнце Аустерлица» упоминает в оде «Наполеон» (1821), написанной на смерть французского императора, А.С. Пушкин:

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
[Пушкин, 1999 –, т. 2, кн. 2, с. 57].

В стихотворении П.А. Вяземского «Поминки по Бородинской битве» *солнце Аустерлица* не меркнущее, а сперва «гордое», затем — «бледнеющее» [Вяземский, 1869, с. 4]. Мемуарист Ф.Ф. Вигель (1786–1856) называет его «кровавым» [Вигель, 2003, т. 1, с. 328]. Во Франции, наоборот, можно увидеть проявление ностальгии по

своего господина [Наполеон. Годы величия, 2002, с. 379]. Также о нем упоминают другие мемуаристы [Глинка, 1839, с. 48], [Булгарин, 2001, с. 194], [Арндт, 2022, с. 214] и проч.

солнцу Аустерлица и надежды на его возрождение. Виктор Гюго[4] в патриотической «Оде Вандомской колонне» (1827) восклицает:

Вперед, французы! — Нет орла теперь уж с вами,
То поражал надменных вашими громами;
Но с вами — лилии, хоругвь осталась вам
И галльский наш петух, который мир весь будит;
Он обещает нам, что скоро солнце будет
Сиять, как в Аустерлице нам!
[Гюго, 2001–2003, т. 12, с. 25].

Для Альфреда де Мюссе (1810–1857) в романе «Исповедь сына века» (1836) солнце Аустерлица — создание гения Нового времени, который один только «жил тогда в Европе полной жизнью». «Никогда такое глубокое молчание не царило вокруг тех, кто говорил о смерти. И вместе с тем никогда еще не было столько радости, столько жизни, столько воинственной готовности во всех сердцах. Никогда еще не было такого яркого солнца, как то, которое осушило все эти потоки крови. Некоторые говорили, что Бог создал его нарочно для этого человека, и называли его солнцем Аустерлица. Но нет, он создавал его сам беспрерывным грохотом своих пушек, и облака появлялись лишь на другой день после сражений» [Мюссе, 1958, с. 6], — отмечает Мюссе.

Датский философ Сёрен Кьеркегор (1813–1855) в трактате «Страх и трепет» (1843) упоминает солнце Аустерлица, которое «дарует победу и вдохновение», как наилучшую иллюстрацию взаимоотношений гения и его судьбы. По его заключению, дело было не в самом по себе физическом солнце, ярко светившем 2 декабря 1805 года, но в том, что гений Наполеона воспринял его свет как нечто сугубо личное, увидел в нем обращенное конкретно к нему послание свыше. «Гений способен совершить все, и, однако же, он зависит от какого-нибудь пустяка, которого никто не понимает, от пустяка, которому сам гений благодаря своему всемогуществу придает всеобщее значение» [Кьеркегор, 2010, с. 219].

Раскольников в этом смысле также периодически пытается считывать знаки говорящей с ним реальности, ставя себя в центр

[4] Позднее в стихотворении «Nox» (1853) Гюго назовет Наполеона III «вором», который зажег фонарь под солнцем Аустерлица («Et ce voleur de nuit alluma sa lanterne / Au soleil d'Austerlitz!»).

мира, но, в отличие от Наполеона, упорно не принимает свою судьбу, противопоставляя ее самой жизни и активной деятельности: «Или отказаться от жизни совсем! — вскричал он вдруг в исступлении, — послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе всё, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 39]. Судьба для Раскольникова — не тайный друг гения (как ее описывал Кьеркегор), а враждебная сила, которой не радуются и не пытаются соответствовать, но покоряются как злому насильственному року. Соня Мармеладова видела причины многих бед Раскольникова как раз в его нежелании примириться со своей судьбой: «<...> живет он так грубо и бедно вовсе не по какому-нибудь предвзятому плану или намерению, а так просто от невнимания и наружного равнодушия к своей судьбе» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 416].

Не прошел мимо *солнца Аустерлица* в своем романе «Война и мир» (1865–1869) и Л.Н. Толстой. Здесь уместно напомнить, что первый том эпопеи Толстого (в журнальной публикации он назывался «Тысяча восемьсот пятый год») публиковался в «Русском вестнике» одновременно с «Преступлением и наказанием» (публикация началась в 1865 году и была продолжена в 1866 году), и, нет никаких сомнений, что Достоевский ознакомился с ней незамедлительно. У Толстого начало Аустерлицкого сражения подано глазами Наполеона: «Он смотрел то на Праценские высоты, то на выплывавшее из тумана солнце. Когда солнце совершенно вышло из тумана и ослепляющим блеском брызнуло по полям и туману (как будто он только ждал этого для начала дела), он снял перчатку с красивой, белой руки, сделал ею знак маршалам и отдал приказание начинать дело» [Толстой, 1935–1958, т. 9, с. 334].

Для нас сейчас особенно важно, как Аустерлиц воспринимал сам Достоевский. Герой его «Записок из подполья» (1864), которые исследователи считают своего рода «пролегоменами ко всему дальнейшему творчеству» писателя [Долинин, 1963, с. 230], также «глядящий в Наполеоны», описывает свое восхождение в традиционном русле — через повторение наполеоновского триумфа под Аустерлицем: «Все плачут и целуют меня (иначе что бы они были за болваны), а я иду босой и голодный проповедовать новые идеи и разбиваю ретроградов под Аустерлицем» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 133].

Родион Раскольников, который, как и подпольный парадоксалист, способен принимать «наполеоновскую позу», скрещивая руки в характерном жесте [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 138], между тем, говорит о чем угодно, но только не о самом пике наполеоновской славы. В романе ни разу не упомянуты и орлы (самый известный символ Первой империи, являющийся также издревле символом Солнца) и сын и наследник Наполеона – Римский король, имевший в бонапартистских кругах прозвище «орленок»[5].

Ульм и Аустерлиц – две солнечные победы Наполеона

Когда следователь Порфирий Петрович в третьей беседе с Раскольниковым говорит ему: «Не во времени дело, а в вас самом. Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 352], то он имеет в виду отнюдь не только уподобление героя Христу, одно из литургических именований которого – «Солнце Правды»[6], но и то, что герой, на самом деле, не решился стать и Наполеоном, избегая по-настоящему решимости и участи последнего[7]. Это же отмечал В.В. Вересаев в главе «Декадент перед лицом Аполлона» сочинения «Живая жизнь» (1910–1914): «Сам Раскольников – мягкий, раздвоенный, колеблющийся – совершенно не в силах вынести той страшной ответственности, которую несут на своей душе “вожди” и “устано-

[5] «Римский король» (Наполеон II) упоминается в романе «Идиот» — о нем бредит генерал Иволгин. О наполеоновском мифе в этом романе см.: [Подосокорский, 2009].

[6] Архимандрит Афанасий (Нечаев) в своей проповеди «Христос — Солнце» на праздник Рождества отмечает: «Не в переносном смысле Он называется Солнцем, а в буквальном. Он называется “Огнь Божества”, не опаливший Девы. Иоанн Богослов говорит: “В Нем была жизнь, и жизнь была СВЕТ человеков”» [Афанасий, архим., 2011, с. 139]. О сравнении Раскольникова с Христом писала Т.А. Касаткина: «Христос — Солнце миру — в том смысле, что Он — неистощимый податель благ. И Раскольников так и ведет себя — отдавая все, что имеет, всем вокруг. Но это происходит лишь тогда, когда он перестает полагаться на собственный расчет и рассудок, утверждающие, что у него — мало, на всех не хватит, и, чтобы иметь возможность помогать, — нужно у кого-то отнять» [Касаткина, 2015, с. 12]. «Солнцем» именует Христа и старец Зосима в видении Алёши [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 327]

[7] В этом третьем разговоре Порфирий делает и другие скрытые отсылки к Наполеону. См. комментарий к его словам: «Тут дело фантастическое, мрачное, дело современное, нашего времени случай-с, когда помутилось сердце человеческое; когда цитуется фраза, что **кровь “освежает”**; когда вся жизнь проповедуется в комфорте» [Достоевский, 2013–, т. 7, с. 731].

вители человечества”. И с завистью смотрит он на этих цельных, сильных людей» [Вересаев, 1991, с. 269].

К мысли о недостаточной внутренней решимости для того, чтобы стать настоящим солнцем, Порфирий подводит Раскольникова постепенно. Во время их второй беседы он как бы неожиданно вспоминает о битве под Ульмом, которая состоялась за полтора месяца до Аустерлица и во многом содействовала победе Наполеона во всей осенне-зимней кампании 1805 года. Причем Порфирий на этот раз как будто отказывает Раскольникову в наполеонизме, сравнивая его вовсе не с французским полководцем, а с австрийским придворным военным советом — гофкригсратом[8].

«Но я вам вот что скажу, и опять повторю-с, что вы, батюшка, Родион Романович, уж извините меня, старика, человек еще молодой-с, так сказать, первой молодости, а потому выше всего ум человеческий цените, по примеру всей молодежи. Игривая острота ума и отвлеченные доводы рассудка вас соблазняют-с. И это точь-в-точь, как прежний австрийский гофкригсрат, например, насколько то есть я могу судить о военных событиях: на бумаге-то они и Наполеона разбили и в полон взяли, и уж как там, у себя в кабинете, всё остроумнейшим образом рассчитали и подвели, а смотришь, генерал-то Мак и сдается со всей своей армией, хе-хе-хе!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 263].

Капитуляция армии генерала Карла Мака (1752–1828) оказалась сильнейшим ударом по третьей антифранцузской коалиции. Восьмой бюллетень по Великой армии так оценивал этот успех: «Никогда победы не были такими полными и менее дорогими» [Чандлер, 2000, с. 255]. Историк О.В. Соколов подытоживает: «В ходе знаменитого Ульмского марш-маневра <...> австрийская армия Макка была не просто разгромлена, а почти целиком взята в плен (20 октября 1805 г.). Коалиция была поражена в самое чувствительное место. При других обстоятельствах одной такой победы было бы вполне достаточно для завершения войны» [Соколов, 2020, с. 83]. После Ульма французские войска заняли оставшуюся

[8] Считается, что слова Порфирия про австрийский придворный военный совет (гофкригсрат) являются отсылкой к первому тому «Войны и мира» Л.Н. Толстого [Достоевский, 2013–, т. 8, с. 708], где, действительно, неоднократно упоминается это высшее военное учреждение Австрийской империи [Толстой, 1935–1958, т. 9, с. 139, 149–150, 154, 182]. Однако само это слово приобрело в России иронический оттенок благодаря анекдотам и разнообразной исторической литературе о А.В. Суворове первой четверти XIX века.

без защиты столицу Австрийской империи Вену, а спустя некоторое время предрешили исход всей кампании разгромом союзной армии под Аустерлицем.

Пленение армии Мака также упоминается в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». По мнению Г.Ф. Коган, «в словах Порфирия Петровича слышится непосредственное отражение описания событий под Ульмом в романе Толстого» [Достоевский, 1972–1990, т. 7, с. 388].

Во второй беседе с Раскольниковым Порфирий в шутливой манере говорит о возможности стать Наполеоном для самого себя, хотя и делает вывод, что лично из него Наполеон, скорее всего, не вышел бы: «Вижу, вижу, батюшка, Родион Романович, смеетесь вы надо мною, что я, такой статский человек, всё из военной истории примерчики подбираю. Да что делать, слабость, люблю военное дело, и уж так люблю я читать все эти военные реляции... решительно я моей карьерой манкировал. Мне бы в военной служить-с, право-с. Наполеоном-то, может быть, и не сделался бы, ну а майором бы был-с, хе-хе-хе! Ну-с, так я вам теперь, родимый мой, всю подробную правду скажу насчет того то есть *частного случая-то*: действительность и натура, сударь вы мой, есть важная вещь, и ух как иногда самый прозорливейший расчет подсекают!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 263].

Упоминание Порфирием Петровичем битвы под Ульмом тем более интересно, что именно с этой победы, по всей видимости, зародилась традиция изображения Наполеона в виде солнца. Художник Антуан-Франсуа Калле (1741–1823), известный своими аллегориями на значимые события новейшей французской истории, по свежим следам создает две картины, посвященные победам Наполеона под Ульмом и при Аустерлице.

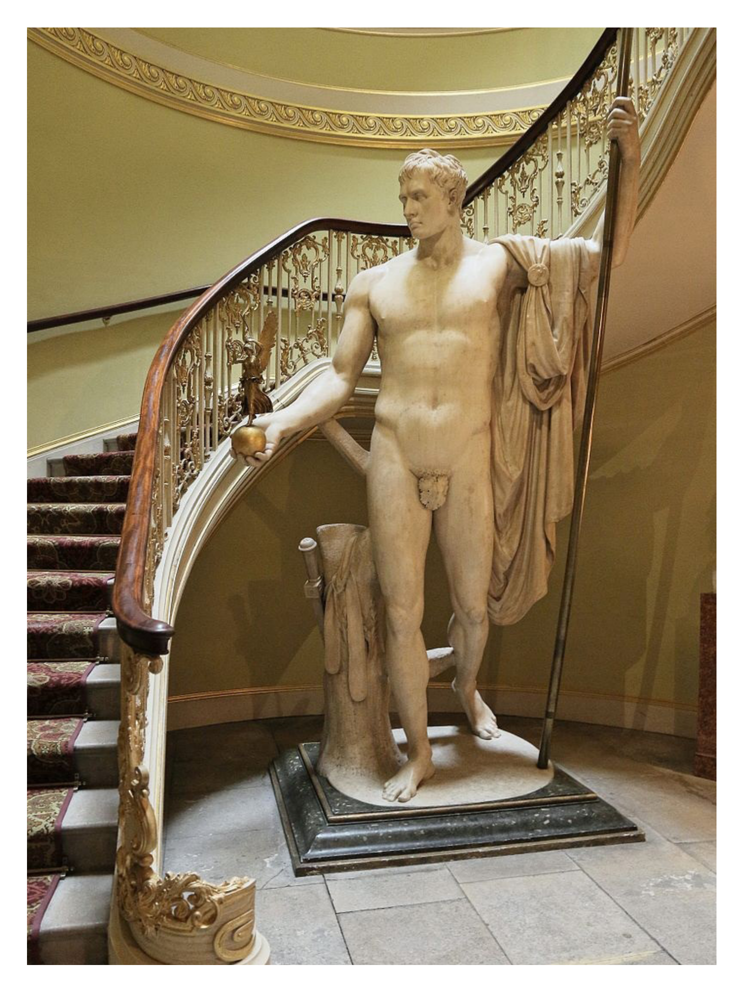
На картине Калле «Аллегория взятия Ульма в октябре 1805 года» (*илл. 2*) Наполеон одновременно представлен и как Марс с мечом, и как Аполлон в солнечном сиянии, над которым парит орел. Уподобление Наполеона богу войны Марсу, казалось бы, было более естественным в свете его военных побед и в силу традиции увековечивания выдающихся полководцев. Самым знаменитым произведением искусства такого плана является мраморная скульптура Наполеона в облике Марса-Миротворца (*илл. 3*), созданная Антонио Кановой (1757–1822). В 1811 году тринадцатитонную статую доставили в Париж, а к 1814 году скульптура находилась в Лувре

Илл. 2. Антуан-Франсуа Калле. Аллегория взятия Ульма в октябре 1805 года. Национальный музей, Версаль.
Fig. 2. Antoine-François Callet. Allegory of the Surrender of Ulm in October 1805. National Museum, Versailles.

в зале выдающихся людей (Salle des Hommes Illustrés). Канова также создал ее бронзовую копию, трансформировав Марса-Миротворца в Марса-Победителя.

Е.Д. Федотова пишет о творческом решении мастера следующее: «В удлиненных пропорциях тела, особенно женственных руках, упругой позе шага “Наполеона-Марса”, не сила, а стройность и легкость, не торжественность и репрезентативность, а естественность и пластика. С другими атрибутами он может казаться Аполлоном, Персеем, Паламедом. Портретность ослабила бы образ, и голова поэтому решена столь же идеализированно в “героическом” духе» [Федотова, 2002, с. 260]. Французский историк и социолог искусства Пьер Франкастель (1900–1970) и вовсе полагает, что «концепция Наполеона исходит от Аполлона Бельведерского, абстрактно, без модели, как некий тип программы, как арабески», цит. по: [Федотова, 2002, с. 260]. Таким образ Наполеон-Марс также таит в себе черты бога солнца.

Илл. 3. Антонио Канова. Скульптура Наполеона в облике Марса-миротворца. 1806.
Fig. 3. Antonio Canova. Napoleon as Mars the Peacemaker. 1806.

В «Преступлении и наказании» Раскольников, идущий совершить убийство старухи-процентщицы Алены Ивановны, которое должно утвердить его как нового Наполеона (ср. его признание Соне: «Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... Ну, понятно теперь?» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 318]), упоминает *Марсово поле*: «Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на всё Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 60].

Марсово поле Петербурга получило свое название в правление Александра I в подражание Марсову полю в Париже и Риме. Оно выполняло роль постоянного места для проведения военных парадов и смотров войск. На нем еще при императоре Павле I была установлена бронзовая статуя генералиссимуса А.В. Суворова (1729–1800) в образе бога Марса за его Итальянский поход, уничтоживший плоды побед Первой итальянской кампании Бонапарта. Ранее Марсово поле называли Променадом, Потешным полем, Цырицыным лугом, площадью Жертв Революции [Блистательный Петербург, 2008, с. 79].

С Марсовым полем (на тот момент — Цырицыным лугом) связан знаменитый обмен репликами накануне Аустерлицкой битвы между императором Александром I и главнокомандующим русскими войсками М.И. Кутузовым. Последний был вынужден подчиняться приказам молодого и некомпетентного в военном деле царя, что в итоге и обернулось катастрофическим поражением от Наполеона [Мезенцев, 2008, с. 270–271]. Придворный историк А.И. Михайловский-Данилевский так описал этот диалог, впоследствии использованный Л.Н. Толстым в «Войне и мире»: «Император Александр спросил его: “Михайло Ларионович! Почему не идете вы вперед?” — “Я поджидаю”, отвечал Кутузов, “потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыном лугу. Впрочем, если прикажете!” Приказание было отдано» [Михайловский-Данилевский, 1844, с. 181–182].

Д.С. Мережковский, размышляя о главном триумфе Наполеона, связал его с проявлением силы Аполлона — бога солнца: «В ночь накануне Аустерлица, когда император объезжал войска, солдаты вспомнили, что этот день — первая годовщина коронованья, зажгли привязанные к штыкам пуки соломы и сучья бивуачных костров, приветствуя его восьмьюдесятью тысячами факелов. Он уже знал, и через него знала вся армия вещим предзнанием — Наполеоновским гением, что завтрашнее “солнце Аустерлица” взойдет, лучезарное. Так и сказано в бюллетене: “Le soleil se leva radieux. Солнце взошло, лучезарное”. Но какому солнцу поклонялись на этой огненной всенощной, люди не знали. Если бы жили не в XIX веке по Р. Х., а во II – III, то знали бы: богу Митре, Непобедимому Солнцу — Sol Invictus. Бедному “идеологу”, Ницше надо было сойти с ума, чтобы это узнать: “Наполеон — последнее воплощенье бога солнца, Аполлона”. И мудрый Гете это, кажется, знал, когда говорил: “Свет, озарявший его, не потухал ни на минуту; вот почему судьба его так лучезарна, — так солнечна”» [Мережковский, 1993, с. 14].

Илл. 4. Антуан-Франсуа Калле. Аллегория битвы при Аустерлице. 1806. Национальный музей, Версаль.
Fig. 4. Antoine-François Callet. Allegory of the Battle of Austerlitz. 1806. National Museum, Versailles.

На аллегории А.-Ф. Калле, посвященной Аустерлицкому сражению (*илл. 4*), мы на этот раз видим Наполеона как Аполлона и Зевса (Юпитера) с пучком молний в руке («Зевесом», располагающим судьбой своих матери и сестры, себя саркастически называет Раскольников [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 38]), в сиянии славы, и ему также сопутствует *орел с распростертыми крыльями* — символ недавно учрежденной наполеоновской империи, отсылающий также к аквилам римских легионов, Юпитеру и апостолу Иоанну [Лашук, 2003, с. 70].

Ульм и Аустерлиц перевернули общественное сознание Европы. Во Франции духовенство встретило императора рядом льстивых приветствий. Его восхваляли без меры, называли «богом

Аустерлица», «избранником Божьим, помазанником Господа и давали ему новый титул “Его Преосвященного Величества”» [Носков, 1912, с. 186]. Сардинский посланник в России, философ Жозеф де Местр (1753–1821) сетовал в письме кавалеру де Росси от 19 (31) января 1806 года: «Даже после позорного несчастья при Ульме мы могли спастись. После Аустерлица все потеряно. Я не могу думать о сей битве, не вспоминая знаменитые слова Тацита: “Никогда еще не было столь очевидно, что богов нисколько не заботит счастие наше, а лишь то, как бы наказать нас”. Это какое-то чудо, какое-то колдовство, г-н Кавалер. Этому нет даже названия, и чем больше думаешь, тем меньше понимаешь что-либо. <...> Ныне же общественное мнение, как и все прочее, сделалось ни на что не похожим. Аустерлицкое сражение — это Канны, и здесь говорят, что Ганнибал у ворот» [Местр, 1995, с. 61–62].

Российский писатель и журналист Н.И. Греч (1787–1867) писал: «Ульм и Аустерлиц решили судьбу Европы в пользу Наполеона» [Греч, 1990, с. 203]. Александр Дюма в своем беллетризованном жизнеописании императора (1840) еще более категоричен: «Теперь уже не скипетр держал в руке Наполеон, а глобус» [Дюма, 2005, с. 78]. Граф Эммануэль Огюстен де Лас Каз (1766–1842) в «Мемориале Святой Елены» (1823), выполнявшем роль «Библии» для бонапартистов, признается, что после этих событий его симпатии окончательно склонились на сторону Наполеона: «В конце концов чудеса Ульма и величие Аустерлица положили конец моему смятению; я был покорен славой. Я восторгался Наполеоном, я признал и полюбил его; и с той минуты я стал восторженным французом. Впредь у меня не было других раздумий, я не говорил на другом языке, я не испытывал иных чувств» [Лас Каз, 2010, кн. 1, с. 450].

В «Преступлении и наказании» также содержится отчетливый намек на самый известный памятник военных побед Наполеона — Вандомскую колонну с бронзовой статуей французского императора на вершине. Она была воздвигнута 1 января 1806 года как раз в память побед, одержанных в кампанию 1805 года (монумент официально открыли 15 октября 1810 года). В разное время эта колонна называлась Аустерлицкой, колонной Победы и колонной Великой армии. На строительство колонны пошли несколько сотен российских и австрийских пушек, захваченных французами в битве под Аустерлицем. Я подробно писал об отсылках в речи Раскольникова к этому памятнику в другой своей статье [Подосокорский,

2022б, с. 106–115]). Здесь же отмечу, что сам памятник «был установлен на месте бронзовой статуи Людовика XIV работы скульптора Ф. Жирардена, простоявшей там ровно сто лет (1692–1792) и уничтоженной в ходе Великой французской революции» [Мельникова, 2013, с. 15]. Таким образом бронзовый Император-Солнце сменил бронзового Короля-Солнце[9].

От Короля-Солнца к Императору-Солнцу

Наполеона в виде Солнца изображали и другие художники. Вот, к примеру, как представил (*илл. 5*) правящего императора Лоран Дабо (1761–1835). «Наполеон» Дабо вписывается в традицию изображения Аполлона. Сравним эту работу с головой бога Солнца на французском гобелене второй половины XVII века (*илл. 6*).

Илл. 5. Лоран Дабо. Наполеон. Не позднее 1810.
Fig. 5. Laurent Dabos. Napoleon. No later than 1810.
Илл. 6. Голова Аполлона. Французский гобелен. Между 1662 и 1694.
Fig. 6. Apollo's head. French tapestry. Between 1662 and 1694.

Наиболее явным предшественником Наполеона в роли солнечного властителя был король Франции Людовик XIV (1638–1715, король с 1643), еще в юности выбравший себе солнце в качестве эмблемы. Прозвище закрепилось за молодым королем после того,

[9] После падения Наполеона и реставрации Бурбонов в этом отношении произошел характерный разворот: изображения Императора-Солнце стали в ряде случаев переделывать в изображения Короля-Солнце. Например, «голову Наполеона на восточном фронтоне Лувра, напротив церкви Сен-Жермен-л'Осеруа, в августе 1814 года увенчивают париком и тем самым превращают в голову Людовика XIV — ее можно увидеть на этом месте и сегодня» [Фюрекс, 2022, с. 252].

как он станцевал на балу в костюме Аполлона [Дешодт, 2011, с. 7]. Однако, как отмечает Ф. Блюш, миф о Короле-Солнце создавался и оттачивался во Франции на протяжении веков. Этот образ часто встречается в памфлетах периода регентства Марии Медичи, а в «Королевском триумфе» (памфлете, созданном по случаю возвращения в Париж в 1649 году короля и его двора) Людовик – «это яркое светило, лучезарное Солнце, это день без ночи, это центр круга, откуда растекаются лучи» [Блюш, 1998, с. 183].

Илл. 7. Йозеф Вернер-младший. Портрет Людовика XIV как Аполлона в триумфальной колеснице. 1664.
Fig. 7. Joseph Werner the Younger. Portrait of King Louis XIV as Apollo on the Chariot of the Sun. 1664.

Католическая церковь использовала эту метафору для освящения и религиозной легитимизации действующей монархии. Так, богослов и мистик, кардинал Пьер де Берюль (1575–1629) в сочинении «О состоянии и величии Иисуса» писал об отце Людовика XIV — короле Людовике XIII (правил в 1610–1643 годах), обращаясь к восставшим гугенотам: «Король — это Солнце, на которое вы должны смотреть... Это Солнце находится в зените, и вы должны его опасаться... И даже если оно вас немного беспокоит, вы не можете не признавать, что его тепло и влияние его лучей вам необходимы. Это светило Франции. Это помазанник Божий, как говорится в Священном Писании. Это настоящий образ Божий, воплощение авторитета и величия Господа. Воздайте ему должное и повинуйтесь ему. Откройте ему ваши сердца и ваши города» [Блюш, 1998, с. 184]. Таким образом, Король-Солнце — это образ монарха как такового, хотя под этим именем в истории наиболее известен именно Людовик XIV.

Обратим внимание на аллегорию придворного художника Йозефа Вернера-младшего (1637–1710), на которой Людовик XIV изображен в виде Аполлона (*илл. 7*). Очевидно, что создавший спустя 140 лет аллегории Наполеона-Аполлона Калле также вдохновлялся трудами своих предшественников.

Культ Императора-Солнца: от Древнего Рима к Наполеоновской империи

Уподобление Наполеона Солнцу в рамках официального культа императора одновременно восходит к двум традициям: условно «христианской» (ее, в частности, представляли французские короли-католики) и непосредственно языческой, уходящей корнями в глубокую древность. Культ Солнца неизменно сопровождал культ земных царей еще со времен египетских фараонов и персидских правителей (о том, что, по одной из версий, высказанной Плутархом, упоминаемый в «Преступлении и наказании» Кир Персидский даже был наречен в честь Солнца, недавно напомнила Т.А. Касаткина). Александр Македонский как покоритель Египта также был провозглашен жрецами сыном солнечного бога Амона-Ра [Фор, 2011, с. 57].

В рамках исследуемой нами наполеоновской темы особую значимость представляет наследие Римской империи, в которой с III по IV век существовал официальный культ Непобедимого Солнца (лат. Sol Invictus), вобравший в себя самых разных солнечных божеств.

Уже Гай Юлий Цезарь (ок. 100–44 до н.э.), с которым часто соотносили Наполеона Великого как в позитивном, так и в негативном ключе[10], и книга о котором, написанная Наполеоном III, является одним из возможных источников теории Раскольникова [Тихомиров, 2016, с. 287–288], возводил свою родословную не только к богине Венере, но и к богу Аполлону, а за год до своей кончины устроил на собственные средства игры в честь Аполлона с тем, чтобы узаконить в качестве своего преемника Октавия (ставшего впоследствии основателем Римской империи и известного как Гай Юлий Цезарь Октавиан Август — *Н.П.*), которого он усыновил на том основании, что его мать Атия, племянница диктатора, якобы родила ребенка от змея-Аполлона» [Этьен, 2009, с. 46–47]. Похороны Цезаря, как писал историк Секст Аврелий Виктор, сопровождались солнечным затмением [Римские историки IV века, 1997, с. 220], что дополнительно свидетельствовало о его божественности (согласно евангелистам, солнце померкло и в момент смерти Иисуса Христа (Лк. 23:45)).

Родион Раскольников носит отчество, напоминающее о городе Риме (Романович), а все основное действие романа «Преступление и наказание» происходит в июле, то есть в месяце, названном в честь Юлия Цезаря. Считается, что в этом месяце (до реформы календаря он назывался квинтилий) Цезарь и родился [Утченко, 1976, с. 41]. На этом специально заостряет внимание Наполеон III в своей «Истории Юлия Цезаря»: «Кай Юлий Цезарь родился в Риме в 4 день пред идами пятого месяца (12 июля) 654 (от основания Рима — *Н.П.*), и этот пятый месяц, названный в его честь *Julius* носит уже 1900 лет имя

---

[10] По легендам, появившимся еще при жизни Наполеона, его родословие восходило и к Железной маске (прозвище таинственного узника второй половины XVII века, который якобы был братом-близнецом Короля-Солнце Людовика XIV) и к патрицианскому роду Юлия Цезаря. То есть стремившиеся польстить французскому императору авторы пытались обосновать его родство одновременно и с французскими королями, и с римскими императорами. Сам Наполеон лишь смеялся над этим [Тюлар, 2009, с. 34], однако, много размышлял о судьбе Юлия Цезаря и даже надиктовал о нем целую книгу, в которой защищал римского диктатора от обвинений в деспотизме: «Власть Цезаря законна уже потому, что она необходима, потому что она всем покровительствует, охраняет все выгоды римлян, потому что она есть следствие мнения и воли народа» [Наполеон I, 1865, с. 157]. П.А. Вяземский в очерке «Наполеон и Юлий Цесарь» (1836) так охарактеризовал этот труд: «Заключение книги сей, в которой излагаются последние события жизни Цесаря, смерть его и суждение о ней, принадлежит к замечательнейшим историческим отрывкам, когда-либо писанным. Тут Наполеон так тесно смешивается с Цесарем единомыслием и соответственностью положений, несмотря на различие обстоятельств и времени, что читатель чувствует, с каким убеждением и как задушевно вылились эти страницы из груди Наполеона» [Вяземский, 1878–1896, т. 2, с. 233].

этого великого человека» [Наполеон III, 1865–1866, т. 1, с. 277–278]. Ю.В. Куликова пишет, что именно действия Юлия Цезаря в немалой степени способствовали возвышению солярного культа в Риме: в 48 г. до н.э. в честь своей победы в битве при Фарсале он принес жертву Sol Indiges. По мнению исследовательницы, «этот факт говорит о том, что культ Sol прошел длительный путь и занял важное место в реформе Цезаря, которую продолжил Октавиан Август для религиозного обоснования правления рода Юлиев» [Куликова, 2020, с. 54].

Император Нерон (правил в 54–68 годах) также отдал дань почитанию солярного божества, приказав поставить в свою честь огромную статую, изображающую его в виде бога солнца (Достоевский не раз упоминал Нерона в своих записях и произведениях, называя его «глумителем» [Достоевский, 1972–1990, т. 24, с. 202]). Позже эту статую уничтожили, а на ее месте построили огромный амфитеатр Колизей [Циркин, 2000, с. 164], получивший свое название, по всей видимости, от статуи Колосса (бога солнца Гелиоса). Император Адриан (правил в 117–138 годах) повелел установить колесницу Адриана-Гелиоса на вершине своего Мавзолея в Риме (ныне — Замок Святого Ангела) [Поляков, 2010, с. 25]. В «Преступлении и наказании» имя этого императора присутствует в названии петербургской гостиницы, в которую заходит *второй главный герой* романа (термин — Т.А. Касаткиной) Аркадий Свидригайлов. Особенность этой гостиницы состоит в том, что она очень заметна, в ней происходит «оживление», и она излучает свет посреди всеобщей тьмы: «Тут где-то, уже в конце проспекта, он заметил, как-то проезжая недавно мимо, одну гостиницу деревянную, но обширную, и имя ее, сколько ему помнилось, было **что-то вроде Адрианополя**. Он не ошибся в своих расчетах: эта гостиница в такой глуши была такою **видною точкой**, что возможности не было не отыскать ее, даже среди темноты. Это было длинное деревянное почерневшее здание, в котором, несмотря на поздний час, **еще светились огни и замечалось некоторое оживление**» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 388]. Свет «Адрианополя» не станет для Свидригайлова спасительным, но лишь высветит глубоко таящиеся в нем пороки (видение девочки), что подтолкнет его к самоубийству.

Здесь нет ни возможности, ни необходимости слишком глубоко погружаться в сложную многовековую историю богопочитания солнца в Древнем Риме, см. об этом: [Мостовщикова, 2009],

[Куликова, 2020], и вникать в различия и сходства античных культов Сола, Аполлона Целителя, Митры, Элагабала, Малакбела, Ваала, Гелиоса и прочих солярных богов, — отмечу лишь, что после религиозной реформы императора Аврелиана (правил в 270–275 годах) *Непобедимое солнце* стало главным римским божеством, и с ним стали отождествляться все действующие императоры [Куликова, 2017, с. 62]. Аврелиан (*илл. 8*) первым из римских императоров «стал официально именоваться господином и богом (Dominus et Deus) и носить диадему» [Мостовщикова, 2009, с. 190].

Илл. 8. Изображение римского императора Аврелиана в «солнечной» короне на древнеримской монете.
Fig. 8. An image of the Roman Emperor Aurelian wearing a “solar” crown on an ancient Roman coin.

Храм, посвященный Непобедимому Солнцу (Templum Solis), был воздвигнут на Марсовом поле в Риме [Широкова, 2020, с. 195] (вспомним об упоминании петербургского Марсового поля Раскольниковым, идущим на убийство). Также были учреждены специальные игры (agon Solis), которые должны были проходить каждые четыре года, и создана аристократическая коллегия понтификов Sol Invictus [Зелинский, 2018, с. 107–108]. День праздника нового солнечного бога (как и в культе Митры) приходился на 25 декабря. Как пишет Е.А. Мостовщикова, «В поздней античности представления о роли Солнца и солнечного света формируются в систему теологических, естественно-научных и философских представлений и определяются как “метафизика света”. Тесный союз философских теорий греков и восточных солярных культов трансформировал

римское язычество, последним прибежищем которого стал солярный монотеизм» [Мостовщикова, 2009, с. 186].

Последним римским императором, который пытался отстоять культ Непобедимого Солнца в борьбе с повсеместно распространившимся влиянием христиан был Флавий Клавдий Юлиан, также известный как Юлиан II или Юлиан Отступник (правил в 361–363 годах). В своем гимне «К Царю Солнцу» он восхваляет Гелиоса, который восседает на едином троне вместе с Аполлоном [Юлиан, имп., 2016, с. 465] и животворит всю природу, одаривая богов и людей разными благами.

Наполеон и Аполлон

Спустя почти полторы тысячи лет после существования культа Sol Invictus в Римской империи Наполеон напомнил человечеству о древних сакральных языческих практиках и ритуалах, которые внешне маскировались под традиции восхваления христианских правителей[11]. Во время своей первой крупной военной кампании 1796–1797 годов в Италии он, будучи тогда еще дивизионным генералом, захватил в Риме, в числе прочих ценностей, самую знаменитую статую бога солнца — Аполлона Бельведерского, которую «отец искусствознания» И.И. Винкельман называл «высшим воплощением идеала искусства среди всех произведений древности, избежавших уничтожения» [Винкельман, 2000, с. 275]. По итогам Толентинского мирного договора 19 февраля 1797 года статуя была оставлена за французами. В конце июля 1798 года римские шедевры с триумфом прибыли в Париж. «Античные мраморные статуи из дворца Бельведер в Ватикане были установлены в залах Музея древностей на первом этаже Галереи Аполлона. Их представление орга-

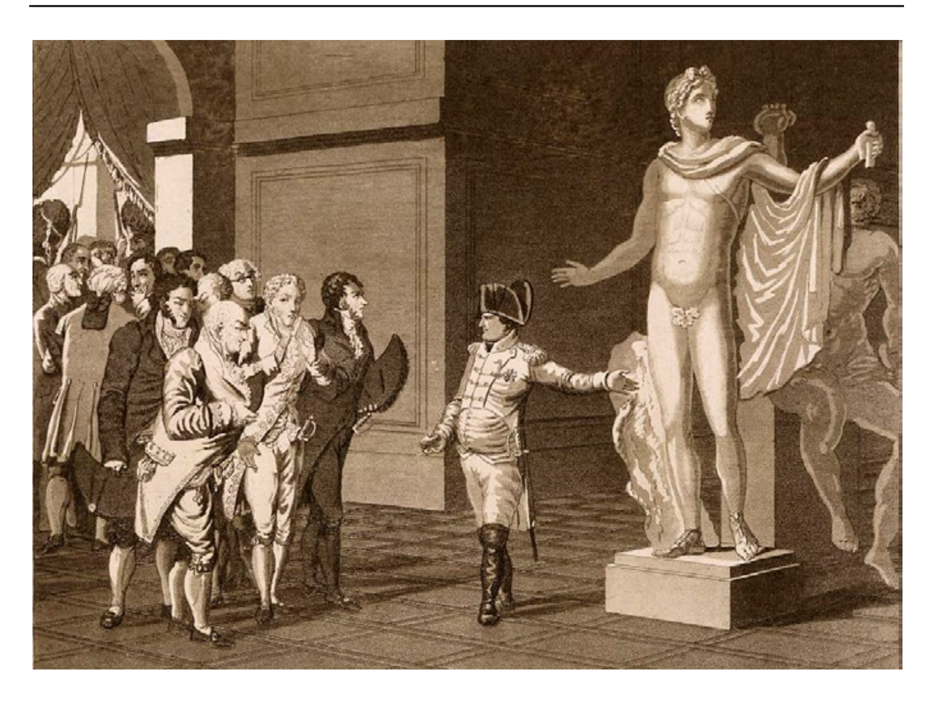
[11] В российской истории также прослеживается многовековая связь правителей с солнцем: от крестителя Древней Руси великого князя Владимира Святославича, получившего прозвище «Красно Солнышко», до Иосифа Сталина. Приведу только несколько симптоматичных фрагментов из песен и стихотворений о Сталине, в обилии публикующихся в разных сборниках и прессе в период его правления: «Созвездий и месяца / Солнце светлей, / Но, Сталин, твой разум / И солнца светлей. / Лучистое солнце / Сияет лишь днем, / А разум твой светлый — / И ночью и днем» [Ленин и Сталин, 1938, с. 108]; «Над врагами грозовая туча ты, / Над трудящимся народом солнце ты» [Ленин и Сталин, 1938, с. 110]; «На небосклоне новых дней / Ты — солнце пламенное наше» [Ленин и Сталин, 1938, с. 131], «Солнце яркое остудят злые холода, / Имя Сталина родного греет нас всегда. / Потому-то ярче солнца наш великий друг, / Потому так много света разлилось вокруг» [Ленин и Сталин, 1938, с. 138] и т.п.

низовал археолог Эннио Квирино Висконти. Музей Древностей был открыт для широкой публики 9 ноября 1800 г.» [Леруа-Жэ-Леметр, 2010, с. 194]. С 1803 года Музей Древностей стал называться Музеем Наполеона, и до крушения Первой империи европейская интеллигенция рассматривала его «как средоточие мировой культуры, что сделало из Парижа начала XIX в. подлинную столицу Искусств» [Леруа-Жэ-Леметр, 2010, с. 199]. Лишь после отстранения Наполеона от власти шедевры были возвращены прежним владельцам, и Аполлон Бельведерский вернулся обратно в Ватикан [Кинг, 2010, с. 330].

Когда Аполлон Бельведерский находился в Музее Наполеона, он был воспет многими поэтами, включая Байрона, который включил свой гимн Аполлону в поэму «Паломничество Чайльд-Гарольда», написанную в 1809–1811 годах:

Но в этих формах явлен небесами
Весь идеал прекрасного пред нами,
Сияющий нам только в редкий час,
Когда витает дух в надмирном храме,
И мыслей вихрь — как сонмы звезд вкруг нас,
И бога видим мы, и слышим божий глас.
[Байрон, 1974, т. 1, с. 291].

Поэт К.Н. Батюшков так описал свое впечатление от этой статуи в письме к Д.В. Дашкову из Парижа от 25 апреля 1814 года: «Теперь вы спросите меня, что мне более всего понравилось в Париже? Трудно решить. Начну с Аполлона Бельведерского. Он выше описания Винкельманова: это не мрамор — бог! Все копии этой бесценной статуи слабы, и кто не видал сего чуда искусства, тот не может иметь о нем понятия. Чтоб восхищаться им, не надо иметь глубоких сведений в искусствах: надобно чувствовать. Странное дело! Я видел простых солдат, которые с изумлением смотрели на Аполлона. Такова сила гения! Я часто захожу в музеум единственно затем, чтобы взглянуть на Аполлона, и как от беседы мудрого мужа и милой, умной женщины, по словам нашего поэта, “лучшим возвращаюсь”» [Батюшков, 1989, т. 2, с. 278–279]. С Батюшковым был согласен и А.С. Пушкин, в стихотворении которого «Поэт и толпа» (1828) о «кумире Бельведерском» говорится столь же патетично: «Но мрамор сей ведь бог...» [Пушкин, 1977–1979, т. 3, с. 85].

Илл. 9. Наполеон показывает в Музее своего имени (Musée Napoléon) статую Аполлона Бельведерского. Первая половина XIX века.
Fig. 9. Napoleon showing the Apollo del Belvedere statue in the Museum named after him (Musée Napoléon). First half of the Nineteenth century.

На этой несколько ироничной гравюре первой половины XIX века (*илл. 9*) император Наполеон показывает вельможам находящуюся в Музее Наполеона (ныне — Лувр) статую Аполлона Бельведерского, как бы намекая, что они видят одновременно и статую, и земное воплощение бога Солнца[12]. Неслучайно, что придворный художник Наполеона — Андреа Аппиани (1754–1817),

[12] В одах полоцких иезуитов 1812 года с Аполлоном патетично сравнивается соперник Наполеона — Всероссийский император Александр I [Кондаков, 2012, с. 54]. Во время заграничных походов русской армии 1813–1814 годов его называли «новым солнцем» [Трачевский, 1900, с. 88]. В российской антибонапартистской пропаганде Наполеону отводилась роль не Аполлона, а, скорее, Пифона (дьявола), который противостоит истинному солнцу (Христу). Г.Р. Державин в «Гимне лиро-эпическом на прогнание французов из Отечества 1812 года» так характеризует французского императора: «Открылась тайн священных дверь! / Исшел из бездн огромный зверь, / Дракон, иль демон змиевидный; / Вокруг его ехидны / Со крыльев смерть и смрад трясут, / Рогами солнце прут <…>» [Собрание стихотворений, 2015, с. 17–18]. Кроме того, Наполеона нередко изображали как демонического Аполлиона (губителя) из Апокалипсиса.

известный по ряду аллегорий, прославляющих императора, также создал для итальянской виллы Бонапарта картину «Аполлон и музы» (1811).

Сращение Наполеона-Аполлона прослеживается в повести Аполлона Григорьева «Один из многих» (1846), главный герой которого, Иван Званинцев, был воспитан двумя почитателями французского императора, и поэтому «образ Наполеона сливался для него с светлым образом Аполлона Гелиоса, победителя Тифона» [Григорьев, 1990, т. 1, с. 354]. В «Записках из подполья» Достоевского Наполеон и Аполлон формально представлены как хозяин и его слуга: подпольный парадоксалист, разбивающий ретроградов под Аустерлицем, смотрит на Аполлона «à la Napoléon» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 171]. Однако на самом деле, как справедливо отмечает Т.А. Касаткина, в этом произведении, наоборот, «подобие смотрит на оригинал» [Касаткина, 2019, с. 220].

Обычно историки трактуют захват французским полководцем статуи Аполлона Бельведерского и других шедевров Ватикана как банальный грабеж культурных ценностей [Пфлуг-Гартунг, 1910–1912, т. 2, ч. 2, с. 765], [История Италии, 1970–1971, т. 2, с. 39], [Кинг, 2010, с. 112, 159] из желания задобрить недовольную его самовольными действиями Директорию [Джонсон, 2014, с. 60] или польстить самолюбию французского правительства и народа [Скотт, 1831–1832, ч. 1, с. 232], но в жизни Наполеона подобные жесты имели и важную символическую, если не сказать мистическую, составляющую.

Достоевский неоднократно обращался к образу Аполлона Бельведерского — он упоминается в статье «Г-н –бов и вопрос об искусстве» (1861) [Достоевский, 1972–1990, т. 18, с. 77–78], романе «Игрок» (1866) [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 316], вышедшем в том же году, что и «Преступление и наказание», и «Дневнике писателя». Так, в главе «Парадоксалист» апрельского выпуска «Дневника писателя» за 1876 год «один знакомый» автора, защищающий саму идею войны, которая, по его словам, в числе прочего, содействует развитию искусств и наук, вспоминает об Аполлоне Бельведерском как о выдающемся *порождении войны*: «Если б не было на свете войны, искусство бы заглохло окончательно. Все лучшие идеи искусства даны войной, борьбой. Подите в трагедию, смотрите на статуи: вот Гораций Корнеля, вот Аполлон Бельведерский, поражающий чудовище...» [Достоевский, 1972–1990, т. 22, с. 124]. В «Дневнике писателя» за 1880 год, рассуждая о сосуществовании ранней христианской

церкви и Римской империи, писатель сформулировал их коренные различия: «Произошло столкновение двух самых противоположных идей, которые только могли существовать на земле: человекобог встретил Богочеловека, Аполлон Бельведерский Христа. Явился, компромисс: империя приняла христианство, а церковь — римское право и государство» [Достоевский, 1972–1990, т. 26, с. 169]. Таким образом Достоевский видел в фигуре бога солнца квинтэссенцию императорской власти и человеческого могущества, которое могло принимать самые разные оболочки: от Александра Македонского и Юлия Цезаря до Бонапарта.

Преображение Наполеона в Солнце

Жизнь Наполеона I строилась по принципу человекобога или сверхчеловека, который стремился подчинить себе не только царства земные, но и церковь Христову. Еще в юности, будучи бедным младшим офицером без внятных карьерных перспектив, Бонапарт записал в дневнике: «Вечно одинокий среди людей, возвращаюсь я домой мечтать с самим собой, отдаваться всей силе моей тоски... Жизнь в тягость мне; радости бегут от меня; все для меня — мучение. Люди, с которыми я живу, далеки от меня нравом, как блеск луны от света солнца. Если бы поперек моей дороги стояла одна только чья-либо жизнь, я не задумался бы вонзить клинок в грудь тирана и тем отомстить за мою отчизну и за попранные законы» [Трачевский, 1900, с. 12].

Это состояние перекликается с описанием героя Достоевского в самом начале романа «Преступление и наказание», который «углубился в себя и уединился от всех» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 5] и мучается сомнениями — может ли он позволить себе по совести убить «бессмысленную» и «никому не нужную» старуху. Д.С. Мережковский по этому поводу замечает: «Если мы отделаемся от “боязни эстетики”, то не признаем ли, что первая, так сказать, математическая исходная точка нравственного движения Наполеона и Раскольникова — одна и та же? Оба вышли из одинакового ничтожества: маленький корсиканец, выброшенный на улицы Парижа, пришелец без рода, без племени, Буонапарте — такой же никому неведомый прохожий, молодой человек, “вышедший однажды под вечер из своей каморки”, как студент петербургского университета Родион Раскольников. <...> Братство и равенство — глубочайшее

омерзение; свобода — глубочайшее отвержение, уединение. Ни прошлого, ни будущего. Ни надежд, ни преданий. “Один против всех, умри я завтра и ничего от меня не останется” — вот первое ощущение обоих» [Мережковский, 2000, с. 254–255].

Приходу Наполеона к власти предшествовала Египетская кампания, которую в романе «Преступление и наказание» Раскольников выделяет совершенно особо, см.: [Подосокорский, 2022а, с. 102–108], [Подосокорский, 2022б, с. 99–104]. Во время этой экспедиции, когда французские войска были вынуждены передвигаться и сражаться «под палящим солнцем, при 50° и больше жары» [Тарле, 1957–1962, т. 7, с. 65], генерал Бонапарт, в частности, одержал 16 апреля 1799 года решительную победу над войском турок у подножия легендарной горы Фавор, на которой, согласно христианскому преданию, произошло Преображение Иисуса Христа. Апостол Матфей так описывает это событие, свидетелями которого стали трое Иисусовых учеников Петр, Иоанн и Иаков: «и возвёл их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17:1–2).

После одержанной победы Бонапарт, согласно его собственным воспоминаниям, зачем-то взошел на эту же гору, «имеющую вид сахарной головы и господствующую над частью Палестины» [Наполеон, 2003, с. 619]. Поразительно, но Наполеон видит историческое значение этой горы вовсе не в случившемся на ней Преображении Христа, но связывает его с совсем другим событием из Его жизни: «Это сюда, если верить некоторым легендам, диавол перенес Иисуса Христа и предложил ему всю страну, которую можно видеть оттуда, если Он поклонится ему» [Наполеон, 2003, с. 619], — объясняет Наполеон свой интерес к горе, путая при этом гору Фавор и гору Искушения (или Каранталь) (в Евангелии названия этих гор не указаны, но предание сообщает, что это были две разные горы). По удивительному «совпадению», вернувшись обратно во Францию прежде срока, он очень быстро превратился в того, о ком метко писал А.С. Пушкин:

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, папою венчанный,
Исчезнувший как тень зари,
[Пушкин, 1977–1979, т. 5, с. 181].

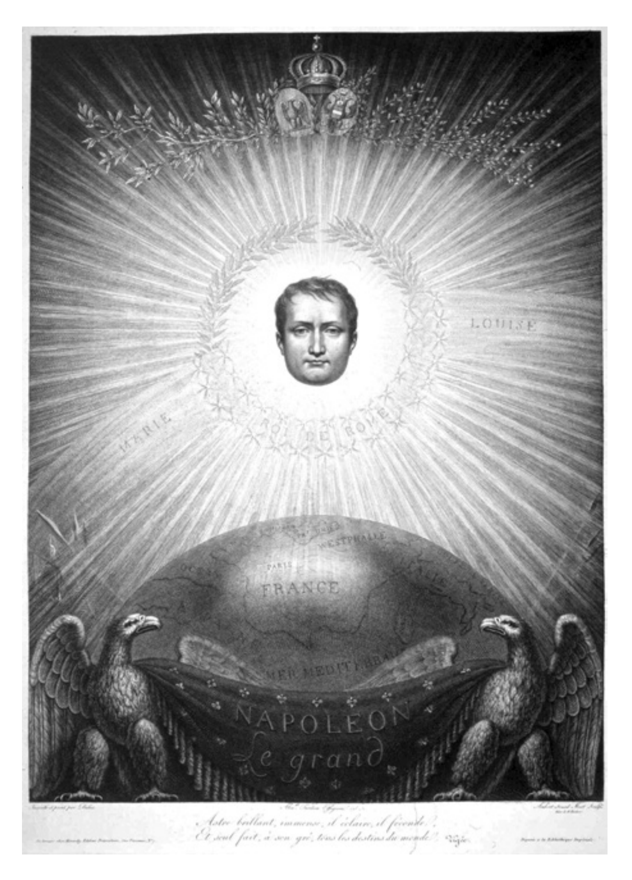
«Возвращение Бонапарта [из Египта] было **восходящим солнцем**: все взоры устремились на него», — вспоминает маршал О.Ф. Мармон [Троицкий, 2020, т. 1, с. 296]. «Восходящее солнце» незамедлительно совершило государственный переворот 18 брюмера и стало первым консулом Французской республики. В 1801 году первый консул в разговоре с финансистом Н.Ф. Мольеном сравнивает свое правительство с солнцем, поскольку оно представляет «центр всяких обществ» [Туган-Барановский, 1993, с. 220]. Однако на многочисленных изображениях первого консула в начале XIX века солнце (или просто — счастливая звезда), как правило, размещается над его головой, еще не сливаясь с ним полностью [Дейо, 2012, с. 85, 89].

«Преображение» Наполеона в «солнце» стало особенно актуальным в период Первой империи. В 1804 году, когда Наполеон был провозглашен императором, вера подавляющего большинства французов в его военный и государственный гений была поистине фанатичной. Как отмечает историк Н.А. Троицкий: «Славословили будущего императора — и “низы”, и “верхи” — почти как Бога: “Его голова — источник великих идей наподобие того, как солнце — источник света”. Один из префектов выразился тогда даже таким образом: “Бог создал Бонапарта и ушел отдыхать”» [Троицкий, 2020, т. 1, с. 513]. После череды новых блестящих военных побед это сравнение стало устойчивым. Виктор Гюго отдает должное той эпохе: «Ведь этот человек, сперва бывший звездой нации, со временем превратился в ее солнце, и не было преступлением позволить себя ослепить» [Гюго, 1953–1956, т. 15, с. 12].

Близко знавшая Наполеона многие годы герцогиня д’Абрантес (1784–1838) пишет: «Взор мой не отставал от его звезды с того дня, когда возвысилась она над горизонтом, и до дня, когда, сделавшись солнцем всепожирающим, поглотила все и даже самое себя» [Абрантес, 1835–1839, т. 1, с. 10]. О падении империи она высказалась так: «Колосс величия, так долго уничтожавший одним своим взглядом, еще действовал, хотя уже был сокрушен. Лучи славы его разливались уже не на прежнем возвышении, однако еще ослепляли глаза пигмеев, которые, при своей близорукости, не могли выдерживать блеска повелительного для них солнца» [Абрантес, 1835–1839, т. 16, с. 162].

Наполеона как «повелительное солнце» изображали и другие художники. Вот, к примеру, гравюра Пьера Александра Тардье

(1756–1844) «Наполеон Великий» 1810 года (*илл. 10*) — видно, что он отталкивается от оригинала Лорана Дабо, но добавляет к голове императора земной шар, на котором можно увидеть надпись «Франция», и победоносных орлов.

Илл. 10. Пьер Александр Тардье. Наполеон Великий. 1810.
Fig. 10. Pierre Alexandre Tardieu. Napoleon the Great. 1810.

Даже рождение и смерть императора объясняли особым воздействием солнца. Итальянский поэт Габриэле Розетти (1783–1854) писал: «Его великая душа, воссиявшая в мире, родилась от искры итальянского солнца», цит. по: [Соколов, 2006, т. 1, с. 94], а герцогиня д'Абрантес полагала, что и «погиб он от действия палящего солнца и от невольнического заключения на острове Св. Елены» [Абрантес, 1835–1839, т. 4, с. 348].

Другой современник и приближенный Наполеона — Э.О. де Лас Каз замечает: «Император объединил в себе всё то, что составляет личность, полную достоинств в глазах Бога и человека; отрицать это означало бы отрицать свет солнца» [Лас Каз, 2010, кн. 2, с. 369]. Сам Наполеон на Святой Елене заявлял следующее: «Все любили меня или ненавидели, каждый был на моей стороне и против меня. Я могу уверенно сказать, что нет ни одного француза, у которого я не вызывал бы живого интереса. Я был подобен солнцу, которое пересекает экватор, перемещаясь по эклиптике. Когда люди ощущали моё влияние, их надежды на меня увеличивались и меня славословили и обожали; но когда я уезжал, меня более не понимали и в отношении меня поднималась волна неприязни» [Лас Каз, 2010, кн. 2, с. 200].

Сравнения Наполеона с солнцем одновременно подразумевали и его сравнения с Христом. В 1827 году в Париже вышел анонимный памфлет «Как будто Наполеона никогда не существовало», автором которого был французский ученый и писатель, библиотекарь города Ажен — Жан-Батист Перес (1752–1840). В этом небольшом сочинении, имевшем целью высмеять популярную в то время теорию о том, что история Иисуса Христа есть всего-навсего аллегория солярного мифа, Перес применил подобный подход к жизни Наполеона. Он уподобил двух жен императора Земле и Луне, четырех братьев — четырем временам года, двенадцать действующих маршалов — двенадцати знакам зодиака и т.п. Даже имя Наполеон, согласно его сфальсифицированной этимологии, означает «истинный Аполлон». Однако его главное утверждение, имеющее десять фиктивных обоснований, что, дескать, на самом деле и Наполеон не что иное, как «лицо аллегорическое» и «олицетворение солнца» [Перес, 1912, с. 3], лишь послужило развитию соответствующей линии наполеоновского мифа в культуре.

Солнечное имя Родион

Интерпретация имени главного героя «Преступления и наказание» не раз привлекала внимание исследователей. Б.Н. Тихомиров писал, что «благодаря кратким формам Родя, Роденька, происходит переосмысление этого имени, устанавливается новая смысловая связь: Родион, Родя — “родной”, “родимый”» [Тихомиров, 1986, с. 37]. К.А. Степанян считал, что герой был назван в честь Иродиона, «одного из первых семидесяти апостолов Христа, “сродника” апо-

Илл. 11. Изображение Колосса Родосского. 1854.
Fig. 11. An image of the Colossus of Rhodes. 1854.

стола Павла, несшего христианство язычникам» [Степанян, 2014, с. 191]. Е.П. Литинская, в свою очередь, отмечала, что имя Иродион ´(Ηρωδίων) восходит «к ἥρως — 1) вождь, военачальник, предводитель, 2) воин, боец, 3) славный муж, 4) герой, богатырь, человек сказочной силы и доблести» [Литинская, 2021, с. 191].

Этимологию имени Родион также возводили к розе [Петровский, 1966, с. 189], [Подосокорский, 2010, с. 93] и др. Однако, как указывает в своем словаре личных имен классик российской и советской ономастики А.В. Суперанская (1929–2013), русское имя Родион происходит от греческого Rhodion — житель Родоса [Суперанская, 2005, с. 187]. Родос — это четвертый по величине остров Греции и одноименный портовый город на нем, всемирная слава которых связана с одним из семи чудес света древности — гигантской статуей

бога солнца Гелиоса — т.н. Колоссом Родосским, который простоял чуть более полувека (между 292 и 224 годами до н. э.), пока не был разрушен землетрясением.

Эта статуя не просто являлась главной достопримечательностью Родоса, ибо весь остров был посвящен богу Солнца, согласно мифу о его возникновении. Как пишет Р. Грейвс: «Случилось так, что когда Зевс распределял города и острова между различными богами, то забыл о Гелиосе. “Какая жалость, — сказал Зевс, — теперь мне придется все начинать сначала”. — “Не стоит, — вежливо ответил Гелиос, — сегодня я заметил, что к югу от Малой Азии в море появляется новый остров. Мне его вполне хватит”» [Грейвс, 2014, с. 165]. Таким образом слова Порфирия «Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего надо быть солнцем» обращены к самой сердцевине существа Раскольникова — к его имени.

Заходящее солнце Раскольникова

В «Преступлении и наказании» несостоявшийся Наполеон — Раскольников отторгнут от собственной внутренней силы и практически лишен доступа к живительной силе солнца, что его сильно угнетает. В самом начале романа он замечает по поводу своей изношенной, рыжей шляпы, что ему бы больше приличествовал на голове «хотя бы старый блин какой-нибудь, а не этот урод» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 7]. Блин является одновременно символом смерти и «того света», поскольку блины традиционно едят на поминках. Об этом в романе говорит Петр Петрович Лужин, отказываясь идти на поминки по Мармеладову: «Я, по обстоятельствам независящим, принужден манкировать и не буду у вас на блинах… то есть на поминках» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 286]. Об этом же говорится и в самом конце «Братьев Карамазовых»: «Ну, а теперь кончим речи и пойдемте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будем есть. Это ведь старинное, вечное, и тут есть хорошее, — засмеялся Алеша» [Достоевский, 1972–1990, т. 17, с. 197] (см. также: [Славянские древности, 1995–2012, т. 1, с. 193–196]). Но одновременно самим своим видом блин напоминает о солнце — свежеиспеченный блин, как правило, круглый, желтый и горячий. Как писал академик Б.А. Рыбаков: «Давно уже высказано мнение, что блины являются символом солнца и их изготовление и коллективное поедание отмечало победу дня над ночью, света над тьмой» [Рыбаков, 1987, с. 668].

В случае же Раскольникова речь идет, скорее, о солнечном нимбе, поскольку герой говорит о блине вовсе не как о еде, а как о своем *головном уборе*. В сцене признания героя в совершенном убийстве ему напоминает о шляпе как *блине* Илья Петрович Порох: «Я и жена моя — мы оба уважаем литературу, а жена — так до страсти!.. Литературу и художественность! Был бы благороден, а прочее все можно приобрести талантами, знанием, рассудком, гением! Шляпа — ну что, например, значит шляпа? **Шляпа есть блин**, я ее у Циммермана куплю; но что под шляпой сохраняется и шляпой прикрывается, того уж я не куплю-с!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 407]. Порох как будто комментирует сомнения Раскольникова в начале романа о его ветхой рыжей шляпе и одновременно присоединяется к призыву Порфирия Петровича, обращенному к герою, «стать солнцем». Илья Петрович также указывает, что подлинное величие и значение человека определяется вовсе не его внешними атрибутами, а внутренним светом, излучаемым гением и благородством.

В большинстве случаев на всем протяжении романа Раскольников сталкивается с *заходящим солнцем*, в отличие от *восходящего солнца* Аустерлица. При пробном посещении квартиры Алены Ивановны, Раскольников сразу же обращает внимание на заходящее солнце: «Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем. "И тогда, стало быть, так же будет солнце светить!.." — как бы невзначай мелькнуло в уме Раскольникова, и быстрым взглядом окинул он всё в комнате, чтобы по возможности изучить и запомнить расположение» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 8]. Затем в тексте романа еще не раз говорится о закате солнца, свидетелем которого становится герой, сам при этом имеющий «воспаленные глаза» и «исхудалое бледно-желтое лицо» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 120].

Солярный аспект наполеоновской славы оказывается для Раскольникова как бы лишним и неактуальным. Напротив, он странным образом вспоминает, главным образом, о поражениях и неприглядных событиях биографии своего кумира: «"Нет, те люди не так сделаны; настоящий *властелин*, кому всё разрешается, громит Тулон, делает резню в Париже, *забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе и отделывается каламбуром в Вильне; и ему же, по смерти, ставят кумиры, — а стало быть, и *всё* разрешается. Нет, на этаких людях, видно, не тело, а бронза!"

Одна внезапная посторонняя мысль вдруг почти рассмешила его: “Наполеон, пирамиды, Ватерлоо — и тощая гаденькая регистраторша, старушонка, процентщица, с красною укладкою под кроватью, — ну каково это переварить хоть бы Порфирию Петровичу!.. Где ж им переварить!.. Эстетика помешает: полезет ли, дескать, Наполеон под кровать к „старушонке“! Эх, дрянь!..”» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 211].

Раскольников окружен обилием желтого цвета, который также отсылает нас к солнцу. Замечу, что и каморка героя, где он задумал преступление, названа повествователем «желтой» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 35], и квартира старухи-процентщицы, где он совершает убийство, также имеет желтые тона — в ней желтые обои, мебель из желтого дерева и картинки в желтых рамках [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 8–9]. Как отмечает Татьяна Касаткина: «Внимая рассудку, герой не верит в то, что он — солнце. И яркий солнечный свет в романе исчезает — вместо него появляется страшный желтый цвет — цвет недостатка и нищеты, цвет плохой воды, выцветших обоев, желтого билета Сони... Тусклый желтый цвет романа — выродившийся свет солнца, которое больше не светит. И самый главный призыв, обращенный к Раскольникову, прозвучит из уст следователя Порфирия Петровича: “Станьте солнцем, вас все и увидят. Солнцу прежде всего нужно быть солнцем” <...> Это соотношение солнечного света и желтого цвета у Достоевского вполне традиционно для христианской культуры. Солнечный свет передается сияющим золотом, а желтый — это обесцененный, поскольку *утративший связь с золотом* цвет уже в восприятии европейского средневековья» [Касаткина, 2015, с. 12–13].

Однако Порфирий указывает Раскольникову и на недостижимость им другого солнца — наполеоновского, тем более что и сам Родион Романович соотносит свою наполеоновскую идею с солнцем. Он признается Соне Мармеладовой: «Мне вдруг ясно, **как солнце,** представилось, что как же это ни единый до сих пор не посмел и не смеет, проходя мимо всей этой нелепости, взять просто-запросто всё за хвост и стряхнуть к черту! Я... я захотел *осмелиться* и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321].

Как оказалось, заходящее солнце в старухиной квартире ознаменовало вовсе не восхождение и триумф (новый Тулон или Аустерлиц) героя, а его падение. Ю.Ф. Карякин пишет по этому поводу:

«Но после убийства солнце, как ни палит, а будто погасло. Теперь все с ним происходит, словно в кромешной тьме: солнце погасло *в душе*» [Карякин, 1976, с. 18]. Произошедшие с героем изменения хорошо описаны в следующей сцене: «Он бродил без цели. **Солнце заходило**. Какая-то особенная тоска начала сказываться ему в последнее время. В ней не было чего-нибудь особенно едкого, жгучего; но от нее веяло чем-то постоянным, вечным, предчувствовались безысходные годы этой холодной, мертвящей тоски, предчувствовалась какая-то вечность на “аршине пространства”. В вечерний час это ощущение обыкновенно еще сильней начинало его мучить.

— Вот с этакими-то глупейшими, чисто физическими немощами, **зависящими от какого-нибудь заката солнца**, и удержись сделать глупость!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 327] — замечает про себя герой.

Примечательно, что и в совершенном убийстве Раскольников сознается также при *заходящем солнце* [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 402]. Приговор в отношении него был вынесен «пять месяцев спустя» после явки с повинной [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 413], то есть в декабре — месяце коронации Наполеона, его «солнечной» победы под Аустерлицем, зимнего солнцестояния, а также римского языческого праздника Рождения Солнца (Natalis Invicti – Рождение Непобедимого), который знаменовал начало новой жизни [Кюмон, 2002, с. 14], и, конечно, в месяце — праздника Рождества Христова.

Только оказавшись на каторге в Сибири, несостоявшийся Наполеон видит *солнце освобождающее*: «С дальнего другого берега чуть слышно доносилась песня. Там, в облитой солнцем необозримой степи, чуть приметными точками чернелись кочевые юрты. Там была свобода и жили другие люди, совсем не похожие на здешних, там как бы самое время остановилось, точно не прошли еще века Авраама и стад его» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 421].

Список литературы

1. Абрантес, 1835–1839 — [*Абрантес, герцогиня*] Записки герцогини Абрантес, или Исторические воспоминания о Наполеоне, революции, директории, консульстве, империи и восстановлении Бурбонов: в 16 т. / пер. с франц. К. Полевого. М.: В Тип. Августа Семена при Императорской Медико-Хирургической Академии, 1835–1839.

2. Арндт, 2022 — *Арндт Э.М.* [Путешествие в Россию в 1812 году] (Фрагмент «Воспоминаний из внешней жизни») / пер. с нем.; примеч. И.Н. Лагутиной // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 4. С. 189–232.

3. Афанасий, архим., 2011 — *Афанасий (Нечаев), архимандрит.* От Валаама до Парижа. М.: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2011. 224 с.

4. Байрон, 1974 — *Байрон Д.Г.* Сочинения: в 3 т. / ред. коллегия: О. Афонина, М. Кургинян, В. Левик; пер. с англ., вступ. статьи М. Кургинян; коммент. О. Афониной. М.: Худож. лит., 1974.

5. Батюшков, 1989 — *Батюшков К.Н.* Сочинения: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989.

6. Блистательный Петербург, 2008 — Блистательный Петербург (Три века северной столицы России). История Санкт-Петербурга первой половины XIX века. М.: Рубежи XXI, 2008. 688 с.

7. Блюш, 1998 — *Блюш Ф.* Людовик XIV / пер. с франц. М.: Ладомир, 1998. 815 с.

8. Булгарин, 2001 — *Булгарин Ф.В.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 784 с.

9. Вересаев, 1991 — *Вересаев В.В.* Живая жизнь: О Достоевском и Л. Толстом: Аполлон и Дионис (о Ницше). М.: Политиздат, 1991. 336 с.

10. Вигель, 2003 — *Вигель Ф.Ф.* Записки: в 2 т. М.: Захаров, 2003.

11. Винкельман, 2000 — *Винкельман И.И.* История искусства древности. Малые сочинения / изд. подгот. И.Е. Бабанов. СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000. 800 с.

12. Вяземский, 1869 — *Вяземский П.А.* Поминки по Бородинской битве и Воспоминания о 1812 годе. М.: Тип. Грачева и К°, 1869. 60 с.

13. Вяземский, 1878–1896 — *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. князя П.А. Вяземского: в 12 т. / изд. графа С.Д. Шереметева. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1878–1896.

14. Глинка, 1839 — *Глинка Ф.Н.* Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 годе). Сочинение Ф. Глинки, автора «Писем Русского Офицера». М.: Тип. Николая Степанова, 1839. Ч. 1. 69 с.

15. Грейвс, 2014 — *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции / пер. с англ. К. Лукьяненко. М.: Иностранка, Азбука-Аттикус, 2014. 832 с.

16. Греч, 1990 — *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М.: Книга, 1990. 396 с.

17. Григорьев, 1990 — *Григорьев А.А.* Сочинения: в 2 т. / вступ. статья Б. Егорова; сост. и коммент. Б. Егорова и А. Осповата. М.: Худож. лит., 1990.

18. Гюго, 1953–1956 — *Гюго В.* Собр. соч.: в 15 т. / пер. с франц. М.: Худож. лит., 1953–1956.

19. Гюго, 2001–2003 — *Гюго В.* Собр. соч.: в 14 т. / пер. с франц. М.: Терра — Книжный клуб, 2001–2003.

20. Дейо, 2012 — *Дейо А.* Неизвестный Наполеон. Эпопея о величии и падениии / пер. с фр. Е. Шевченко. М.: Мир и Образование, 2012. 320 с.

21. Дешодт, 2011 — *Дешодт Э.* Людовик XIV / пер. с франц. М.В. Добродеевой; вступ. статья. В.В. Эрлихмана. М.: Молодая гвардия; Палимпсест, 2011. 286 с.

22. Джонсон, 2014 — *Джонсон П.* Наполеон / пер. с англ. О. Благиной. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 304 с.

23. Долинин, 1963 — *Долинин А.С.* Последние романы Достоевского. М.; Л.: Сов. писатель, 1963. 343 с.

24. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

25. Достоевский, 2013– — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 35 т. СПб.: Наука, 2013– (издание продолжается).

26. Дюма, 2005 — *Дюма А.* Наполеон: Жизнеописание / пер. с франц. О. Вайнер. М.: Захаров, 2005. 240 с.

27. Зелинский, 2018 — *Зелинский Ф.Ф.* История античных религий: в 6 т. СПб.: Изд. проект «Квадривиум», 2018. Т. 5. Кн. 2 / пер. с польского И.Г. Бея; под ред. Т.Г. Сидаша и С.Д. Сапожниковой. 560 с.

28. Земцов, 2022 — *Земцов В.Н.* Наполеон в 1812 году: хроника. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 639 с.

29. Зотов, 2013 — *Зотов Р.М.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013.

30. История Италии, 1970–1971 — История Италии: в 3 т. / Институт всеобщей истории АН СССР. М.: Наука, 1970–1971.

31. Карякин, 1976 — *Карякин Ю.Ф.* Самообман Раскольникова. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Худож. лит., 1976. 158 с.

32. Касаткина, 2015 — *Касаткина Т.А.* Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

33. Касаткина, 2019 — *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / отв. ред. Е.А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. 336 с.

34. Кинг, 2010 — *Кинг Д.* Битва дипломатов, или Вена, 1814 / пер. с англ. И.В. Лобанова. М.: АСТ: Астрель, 2010. 477 с.

35. Кириллина, 2003 — *Кириллина Л.В.* «Гром победы, раздавайся…» (образы войны и победы в музыке XVIII – начала XIX веков) // Из истории классического искусства Запада. М.: ГИИ, 2003. С. 182–195.

36. Кондаков, 2012 — *Кондаков Д.А.* Античные и христианские символы и политические мифы в одах и дифирамбах полоцких иезуитов в честь Александра I // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71, № 6. С. 53–58.

37. Куликова, 2017 — *Куликова Ю.В.* Место культа Митры в религиозной реформе императора Аврелиана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 52–66.

38. Куликова, 2020 — *Куликова Ю.В.* Культ Sol в Древнем Риме (с древнейших времен до реформы Элагабала) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 46–63.

39. Кьеркегор, 2010 — *Кьеркегор С.* Страх и трепет / состав. и общ. ред. С.А. Исаев, И.А. Эбаноидзе; пер. с дат. Н.В. Исаева, С.А. Исаев. 2-е изд. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.

40. Кюмон, 2002 — *Кюмон Ф.* Восточные религии в римском язычестве / пер. с франц. А.П. Саниной. СПб.: Изд. группа «Евразия», 2002. 352 с.

41. Лас Каз, 2010 — *Лас-Каз граф.* Мемориал Святой Елены, или Воспоминания об императоре Наполеоне: в 2 кн. / пер. Л.Н. Зайцева; илл. Н. Шарле, О. Верне и др. фр. худож. первой пол. XIX в. М.: Захаров, 2010.

42. Лашук, 2003 – *Лашук А.* Гвардия Наполеона / пер. с франц. М.: Изографус, Эксмо, 2003. 800 с.

43. Ленин и Сталин, 1938 – Ленин и Сталин в творчестве народов СССР / сост. П. Березовым. М.: Сов. писатель, 1938. 328 с.

44. Леруа-Жэ-Леметр, 2010 – *Леруа-Жэ-Леметр И.* Музей Наполеона // Наполеон и Лувр. Из собраний музеев Франции: каталог выставки в Государственном историческом музее 21 сентября – 10 декабря 2010 г. / науч. ред. В.М. Безотосный. М.: Голден-Би, 2010. С. 194–229.

45. Литинская, 2021 – *Литинская Е.П.* Античные традиции в романе «Преступление и наказание» // Достоевский и античность: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нилова, А.А. Скоропадская, Е.К. Агапитова. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 173–193.

46. Мезенцев, 2008 – *Мезенцев Е.В.* Война России с наполеоновской Францией в 1805 году: (Действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). М.: ИРИ РАН, 2008. 366 с.

47. Мельникова, 2013 – *Мельникова Л.* Вознёсся выше он главою непокорной Наполеонова столпа // Родина. 2013. № 11. С. 14–17.

48. Мережковский, 1993 – *Мережковский Д.С.* Наполеон / послесл. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1993. 319 с.

49. Мережковский, 2000 – *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский / изд. подг. Е.А. Андрущенко. М.: Наука, 2000. 588 с.

50. Местр, 1995 – *Местр Ж. де.* Петербургские письма 1803–1817 / пер. с франц. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 336 с.

51. Михайловский-Данилевский, 1844 – *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. СПб.: Тип. Штаба Отдельного корпуса внутренней стражи, 1844. 291 с.

52. Мостовщикова, 2009 – *Мостовщикова Е.А.* Сакрализация власти в Римской империи и культ Солнца // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. Т. 2. № 3–2. С. 186–193.

53. Мюссе, 1958 – *Мюссе А. де.* Исповедь сына века / пер. с франц. Д. Лившиц и К. Ксаниной. М.: Худож. лит., 1958. 272 с.

54. Наполеон, 2003 – *Наполеон Бонапарт.* О военном искусстве. Избранные произведения / предисл. Е.В. Тарле. М.: Эксмо, 2003. 800 с.

55. Наполеон в России, 2004 – Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев: в 2 кн. / пер. с франц. и нем. М.: Захаров, 2004.

56. Наполеон. Годы величия, 2002 – Наполеон. Годы величия: Воспоминания секретаря Меневаля и камердинера Констана / пер. Л.Н. Зайцев. М.: Захаров, 2002. 478 с.

57. Наполеон I, 1865 – [*Наполеон I.*] История Юлия Цезаря (его войны). Сочинение Наполеона I-го, диктованное им на острове Св. Елены г. Маршану / пер. с франц. М.: В Университетской Тип. (Катков и К°), 1865. 159 с.

58. Наполеон III, 1865–1866 – [*Наполеон III.*] История Юлия Цезаря: в 2 т. СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1865–1866.

59. Носков, 1912 – *Носков Н.Д.* Наполеон. История великого полководца. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. тов. М.О. Вольф, 1912. 333 с.

60. Отечественные записки, 1856 — Отечественные записки. Журнал учено-литературный, издаваемый Андреем Краевским. СПб.: В Тип. Королева и К°, 1856. Т. 108. 1140 с.

61. Перес, 1912 — *Перес Ж.Б.* Почему Наполеона никогда не существовало, или Великая ошибка — источник бесконечного числа ошибок, которые следует отметить в истории XIX в. М.: Тип. Г. Лисснера, 1912. 22 с.

62. Петровский, 1966 — *Петровский Н.А.* Словарь русских личных имен. М.: Советская энциклопедия, 1966. 384 с.

63. Подосокорский, 2009 — *Подосокорский Н.Н.* Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»: автореф. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2009. 19 с.

64. Подосокорский, 2010 — *Подосокорский Н.Н.* «Преступление и наказание» как Роман о Розе // Духовные начала русского искусства и просвещения: Материалы X Международной науч. конф. «Духовные начала русского искусства и просвещения» («Никитские чтения») / сост. А.В. Моторин; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2010. С. 92–96.

65. Подосокорский, 2022а — *Подосокорский Н.Н.* Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143

66. Подосокорский, 2022б — *Подосокорский Н.Н.* «Наполеоновский» Петербург и его отражение в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 4 (20). С. 71–135. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135

67. Поляков, 2010 — *Поляков Е.Н., Евраскина Е.В.* Архитектурное наследие римского императора Адриана // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2010. № 3 (28). С. 9–26.

68. Постникова, 2020 — *Постникова А.А.* Французский «Аустерлиц»: забытая победа или «смена дискурсивной формации»? // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 254–275.

69. Пушкин, 1977–1979 — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1977–1979.

70. Пушкин, 1999– — *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 20 т. СПб.: Наука, 1999– (издание продолжается).

71. Пфлуг-Гартунг, 1910–1912 — *Пфлуг-Гартунг.* Всемирная история: в 6 т. / пер. под ред. Н.И. Кареева и С.Г. Лозинского. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910–1912.

72. Римские историки IV века, 1997 — Римские историки IV века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. 414 с.

73. Рыбаков, 1987 — *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1987. 784 с.

74. Сегюр, 2002 — *Сегюр граф де.* Поход в Россию. Мемуары адъютанта. М.: Захаров, 2002. 285 с.

75. Скотт, 1831–1832 — *Скотт В.* Жизнь Наполеона Бонапарте, императора французов: в 14 ч. / пер. с англ. С. де Шаплет. СПб.: Тип. Александра Смирдина, 1831–1832.

76. Славянские древности, 1995–2012 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012.

77. Собрание стихотворений, 2015 — Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. Юбилейное издание / подгот. текстов и приложений И.А. Айзикова, В.С. Киселёв, Н.Е. Никонова. М.: Языки славянской культуры, 2015. 640 с.

78. Соколов, 2006 — *Соколов О.В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799–1805 гг.: в 2 т. М.: Рус. импульс, 2006.

79. Соколов, 2020 — *Соколов О.В.* Битва двух империй. 1805–1812. Главная книга о причинах войны 1812 года. М.: Яуза-каталог, 2020. 480 с.

80. Степанян, 2014 — *Степанян К.А.* Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: Учебное пособие. М.: Изд-во Московского ун-та, 2014. 208 с.

81. Суперанская, 2005 — *Суперанская А.В.* Современный словарь личных имён: Сравнение. Происхождение. Написание. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.

82. Талычова, 1862 — *Талычова Т.* Беранже и его переводчик // Отечественные записки. 1862. Т. 144. № 9. С. 1–54.

83. Тарле, 1957–1962 — *Тарле Е.В.* Тарле Е.В. Сочинения: в 12 т. / гл. ред. А.С. Ерусалимский. М.: АН СССР, 1957–1961.

84. Тихомиров, 2016 — *Тихомиров Б.Н.* «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Серебряный век, 2016. 560 с.

85. Тихомиров, 1986 — *Тихомиров Б.Н.* Почему Родион Раскольников? // Русская речь. 1986. № 2. С. 35–39.

86. Толстой, 1935–1958 — *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1935–1958.

87. Трачевский, 1900 — Трачевский А.С. Наполеон I. Его жизнь и государственная деятельность. Биографический очерк. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1900. 112 с.

88. Троицкий, 2020 — *Троицкий Н.А.* Наполеон Великий: в 2 т. / подгот. к публ., вступ. статья М.В. Ковалева, Ю.Г. Степанова. М.: Политическая энциклопедия, 2020.

89. Туган-Барановский, 1993 — *Туган-Барановский Д.М.* Наполеон и власть (эпоха консульства): Монография. Балашов: Изд-во БГПИ, 1993. 304 с.

90. Тьер, 2013–2014 — *Тьер А.* История Консульства и Империи. Империя: в 4 т. / пер. с франц. О. Вайнер. М.: Захаров, 2013–2014.

91. Тюлар, 2009 — *Тюлар Ж.* Наполеон, или Миф о «спасителе» / пер. с франц. А.П. Бондарева; вступ. ст. А.П. Левандовского. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 362 с.

92. Утченко, 1976 — *Утченко С.Л.* Юлий Цезарь. М.: Мысль, 1976. 365 с.

93. Федотова, 2002 — *Федотова Е.Д.* Канова: Художник и его эпоха. М.: Республика, 2002. 527 с.

94. Фор, 2011 — *Фор П.* Александр Македонский / пер. с франц. И.И. Маханькова; науч. ред. Э.Г. Юнца. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2011. 412 с.

95. Фюрекс, 2022 — *Фюрекс Э.* Оскорбленный взор. Политическое иконоборчество после Французской революции / пер. с франц. В. Мильчиной. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с.

96. Циркин, 2000 — *Циркин Ю.Б.* Мифы Древнего Рима. М.: Астрель: АСТ, 2000. 560 с.

97. Чандлер, 2000 — *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя: Монография / пер. с англ. Н.Б. Черных-Кедровой. М.: Центрполиграф, 2000. 693 с.

98. Широкова, 2020 — *Широкова Н.С.* Культ Аполлона в кельтских провинциях Римской империи // Новый Гермес. 2020. № 12–1. С. 184–199.

99. Юлиан, имп., 2016 — *Юлиан, император.* Полное собрание творений. СПб.: Изд. проект «Квадривиум», 2016. 1088 с.

100. Этьен, 2009 — *Этьен Р.* Цезарь / пер. с франц. Э.М. Драйтовой; научн. ред. и предисл. Е.В. Ляпустиной. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2009. 299 с.

References

1. [Abrantes, Duchess.] *Zapiski gertsogini Abrantes, ili Istoricheskie vospominaniia o Napoleone, revoliutsii, direktorii, konsul'stve, imperii i vosstanovlenii Burbonov: v 16 tomakh* [*Notes of the Duchess of Abrantes, or Historical Memoirs of Napoleon, the Revolution, the Directory, the Consulate, the Empire, and the Restoration of the Bourbons: in 16 vols*]. Trans. from French by K. Polevoi. Moscow, Tip. Avgusta Semena pri Imperatorskoi Mediko-Khirurgicheskoi Akademii Publ., 1835–1839. (In Russ.)

2. Arndt, E.M. "[Puteshestvie v Rossiiu v 1812] (Fragment 'Vospominanii iz vneshnei zhizni')" ["[Journey to Russia in 1812] (An Excerpt from 'Memories from the Outside')"]. Trans. from German and comm. by I.N. Lagutina. *Filosofskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, vol. 5, no. 4, 2022, pp. 189–232. (In Russ.)

3. Afanasii (Nechaev), archimandrite. *Ot Valaama do Parizha* [*From Valaam to Paris*]. Moscow, Fond "Dukhovnoe nasledie mitropolita Antoniia Surozhskogo" Publ., 2011. 224 p. (In Russ.)

4. Byron, G.G. *Sochineniia: v 3 tomakh* [*Works: in 3 vols*]. Ed. by O. Afonina, M. Kurginian, V. Levik; trans. from English and intro. by M. Kurginian; comm. by O. Afonina. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1974. (In Russ.)

5. Batiushkov, K.N. *Sochineniia: v 2 tomakh* [*Works: in 2 vols*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. (In Russ.)

6. Blistatel'nyi Peterburg (Tri veka severnoi stolitsy Rossii). Istoriia Sankt-Peterburga pervoi poloviny XIX veka [*Brilliant Petersburg (Three Centuries of Russia's Northern Capital). History of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century*]. Moscow, Rubezhi XXI Publ., 2008. 688 p. (In Russ.)

7. Bluche, François. *Liudovik XIV* [*Louis XIV*]. Trans. from French. Moscow, Ladomir Publ., 1998. 815 p. (In Russ.)

8. Bulgarin, F.V. *Vospominaniia* [*Memories*]. Moscow, Zakharov Publ., 2001. 784 p. (In Russ.)

9. Veresaev, V.V. *Zhivaia zhizn': O Dostoevskom i L. Tolstom: Apollon i Dionis (o Nitssche)* [*Living Life: On Dostoevsky and Lev Tolstoy: Apollo and Dionysus (on Nietzsche)*]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 336 p. (In Russ.)

10. Vigel', F.F. *Zapiski: v 2 tomakh* [*Notes: in 2 vols*]. Moscow, Zakharov Publ., 2003. (In Russ.)

11. Winckelmann, Johann J. *Istoriia iskusstva drevnosti. Malye sochineniia* [*The History of the Art of Antiquity. Minor Works*]. Ed. by I.E. Babanov. St. Petersburg, Aleteiia, State Hermitage Publ., 2000. 800 p. (In Russ.)

12. Viazemskii, P.A. *Pominki po Borodinskoi bitve i Vospominaniia o 1812 gode* [*Commemoration of the Battle of Borodino and Memories of 1812*]. Moscow, Tip. Gracheva i K° Publ., 1869. 60 p. (In Russ.)

13. Viazemskii, P.A. *Polnoe sobranie sochinenii kniazia P.A. Viazemskogo: v 12 tomakh* [*Complete Works of Prince Pyotr A. Vyazemsky: in 12 vols*]. Publ. by Count S.D. Sheremetev. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasiulevicha Publ., 1878–1896. (In Russ.)

14. Glinka, F.N. *Ocherki Borodinskogo srazheniia (vospominaniia o 1812 gode). Sochinenie F. Glinki, avtora "Pisem Russkogo Ofitsera"* [*Essays on the Battle of Borodino (Memoirs of 1812). A Work by F. Glinka, Author of the* Letters of a Russian Officer], part 1. Moscow, Tip. Nikolaia Stepanova Publ., 1839. 69 p. (In Russ.)

15. Graves, Robert. *Mify Drevnei Gretsii* [*The Greek Myths*]. Trans. from English by K. Luk'ianenko. Moscow, Inostranka, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 832 p. (In Russ.)

16. Grech, N.I. *Zapiski o moei zhizni* [*Notes on My Life*]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 396 p. (In Russ.)

17. Grigor'ev, A.A. *Sochineniia: v 2 tomakh* [*Works: in 2 vols*]. Intro. by B. Egorov; comp. and comm. by B. Egorov and A. Ospovat. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. (In Russ.)

18. Hugo, Victor. *Sobranie sochinenii: v 15 tomakh* [*Collected Works: in 15 vols*]. Trans. from French. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1953–1956. (In Russ.)

19. Hugo, Victor. *Sobranie sochinenii: v 14 tomakh* [*Collected Works: in 14 vols*]. Trans. from French. Moscow, Terra – Knizhnyi klub Publ., 2001–2003. (In Russ.)

20. Dayot, Armand. *Neizvestnyi Napoleon. Epopeia o velichii i napadenii* [*The Unknown Napoleon. An Epic of Greatness and Decline*]. Trans. from French by E. Shevchenko. Moscow, Mir i Obrazovanie Publ., 2012. 320 p. (In Russ.)

21. Deschodt, Éric. *Liudovik XIV* [*Louis XIV*]. Trans. from French by M.V. Dobrodeeva; intro. by V.V. Erlikhman. Moscow, Molodaia gvardiia, Palimpsest Publ., 2011. 286 p. (In Russ.)

22. Johnson, Paul. *Napoleon* [*Napoleon*]. Trans. from English by O. Blagina. Moscow, Ko-Libri, Azbuka-Attikus Publ., 2014. 304 p. (In Russ.)

23. Dolinin, A.S. *Poslednie romany Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Last Novels*]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 343 p. (In Russ.)

24. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

25. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 35 tomakh* [*Complete Works: in 35 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013– (continuous publication). (In Russ.)

26. Dumas, Alexandre. *Napoleon: Zhizneopisanie* [*Napoleon: A Biography*]. Trans. from French by O. Vainer. Moscow, Zakharov Publ., 2005. 240 p. (In Russ.)

27. Zelinskii, F.F. *Istoriia antichnykh religii: v 6 tomakh* [*History of Ancient Religions: in 6 vols*], vol. 5, book 2. Trans. from Polish by I.G. Bey; ed. by T.G. Sidash and S.D. Sapozhnikova. St. Petersburg, Izdatel'skii proekt "Kvadrivium" Publ., 2018. 560 p. (In Russ.)

28. Zemtsov, V.N. *Napoleon v 1812: khronika* [*Napoleon in 1812: A Chronicle*]. Moscow, Politicheskaia entsiklopediia Publ., 2022. 639 p. (In Russ.)

29. Zotov, R.M. *Sobranie sochinenii: v 5 tomakh* [*Collected Works: in 5 vols*]. Moscow, Knizhnyi Klub Knigovek Publ., 2013. (In Russ.)

30. *Istoria Italii: v 3 tomakh* [*History of Italy: in 3 vols*]. Moscow, Nauka Publ., 1970–1971. (In Russ.)

31. Kariakin, Iu.F. *Samooobman Raskol'nikova. Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie"* [*Raskolnikov's Self-Deception. Dostoevsky's* Crime and Punishment]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976. 158 p. (In Russ.)

32. Kasatkina, T.A. *Sviashchennoe v povsednevnom: dvusostavnyi obraz v proizvedeniiakh Dostoevskogo* [*The Sacred in the Ordinary: The Two-Folded Image in the Works of F.M. Dostoevsky*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)

33. Kasatkina, T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [*Dostoevsky Philosopher and Theologian: The Artistic Way of Expression*]. Ed. by E.A. Takho-Godi. Moscow, Volodei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)

34. King, David. *Bitva diplomatov, ili Vena, 1814* [*The Battle of Diplomats, or Vienna, 1814*]. Trans. from English by I.V. Lobanov. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2010. 477 p. (In Russ.)

35. Kirillina, L.V. "'Grom pobedy, razdavaisia...' (obrazy voiny i pobedy v muzyke XVIII – nachala XIX vekov)" ["'Rumble, Thunder of Victory...' (Images of War and Victory in the Music of the 18th and Early 19th Centuries)"]. *Iz istorii klassicheskogo iskusstva Zapada* [*From the History of Western Classical Art*]. Moscow, GII Publ., 2003, pp. 182–195. (In Russ.)

36. Kondakov, D.A. "Antichnye i khristianskie simvoly i politicheskie mify v odakh i difram-bakh polotskikh iezuitov v chest' Aleksandra I" ["Ancient and Christian Symbols and Political Myths in the Odes and Dithyrambs of the Jesuits of Polotsk in Honor of Alexander I"]. *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, vol. 71, no. 6, 2012, pp. 53–58. (In Russ.)

37. Kulikova, Iu.V. "Mesto kul'ta Mitry v religioznoi reforme imperatora Avreliana" ["The Place of the Cult of Mithras in the Religious Reform of Emperor Aurelianus"]. *Lokus: liudi, obsh-chestvo, kul'tury, smysly*, no. 4, 2017, pp. 52–66. (In Russ.)

38. Kulikova, Iu.V. "Kul't Sol v Drevnem Rime (s drevneishikh vremen do reform Elagabala)" ["The Cult of Sol in Ancient Rome (From Ancient Times to the Reform of Elagabalus)"]. *Lokus: liudi, obshchestvo, kul'tury, smysly*, no. 1, 2020, pp. 46–63. (In Russ.)

39. Kierkegaard, Søren. *Strakh i trepet* [*Fear and Trembling*]. Comp. and ed. by S.A. Isaev, I.A. Ebanoidze; trans. from Dutch by N.V. Isaeva, S.A. Isaev. 2nd Edition. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., 2010. 488 p. (In Russ.)

40. Cumont, Franz. *Vostochnye religii v rimskom iazychestve* [*Oriental Religions in Roman Pa-ganism*]. Trans. from French by A.P. Sanina. St. Petersburg, Izdatel'skaia gruppa "Evrasiia" Publ., 2002. 352 p. (In Russ.)

41. Las Cases, comte. *Memorial Sviatoi Eleny, ili Vospominaniia ob imperatore Napoleone: v 2 knigakh* [*The Memorial of Saint Helena, or Memoirs about Napoleon the Emperor: in 2 books*]. Trans. by L.N. Zaitsev; ill. N. Charle, O. Verne, and others. Moscow, Zakharov Publ., 2010. (In Russ.)

42. Lachouque, Henry. *Gvardiia Napoleona* [*Napoleon's Guard*]. Trans. from French. Moscow, Izografus, Eksmo Publ., 2003. 800 p. (In Russ.)

43. Berezov, P.I., editor. *Lenin i Stalin v tvorchestve narodov SSSR* [*Lenin and Stalin in the Art of People in USSR*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1938. 328 p. (In Russ.)

44. Leroy-Je-Lemaitre, I. "Musei Napoleona" ["Napoleon Museum"]. Bezotosnyi, V.M., edi-tor. *Napoleon i Luvr. Iz sobranii muzeev Frantsii: katalog vystavki v Gosudarstvennom istoricheskom muzee 21 sentiabria – 10 dekabria 2010 g.* [*Napoleon and the Louvre. From the Collections of French Museums: A Catalog of the Exhibition at the State Historical Museum, September 21st – December 10th, 2010*]. Moscow, Golden-Bi Publ., 2010, pp. 194–229. (In Russ.)

45. Litinskaia, E.P. "Antichnye traditsii v romane 'Prestuplenie i nakazanie'" ["Ancient Tra-ditions in the Novel *Crime and Punishment*"]. Nilova, A.Iu, Skoropadskaia, A.A., and Agapitova, E.K., eds. *Dostoevskii i antichnost': kollektivnaia monografiia* [*Dostoevsky and the Ancient World: A Collective Monography*]. St. Petersburg, Izdatel'stvo RKhGA Publ., 2021, pp. 173–193. (In Russ.)

46. Mezentsev, E.V. *Voina Rossii s napoleonovskoi Frantsei v 1805 godu: (Deistviia russkoi armii v sostave 3-i antifrantsuzskoi koalitsii)* [*Russia's War with Napoleonic France in 1805: (Actions of the Russian Army in the 3rd Anti-French Coalition)*]. Moscow, IRI RAN Publ., 2008. 366 p. (In Russ.)

47. Mel'nikova, L. "Voznessia vyshe on glavoiu nepokornoi Napoleonova stolpa" ["It Stands Higher than Napoleon's Column with Unsubdued Head"]. *Rodina*, no. 11, 2013, pp. 14–17. (In Russ.)

48. Merezhkovskii, D.S. *Napoleon* [*Napoleon*]. Afterword by A.N. Nikoliukin. Moscow, Respublika Publ., 1993. 319 p. (In Russ.)

49. Merezhkovskii, D.S. *L. Tolstoi i Dostoevskii* [*Lev Tolstoy and Dostoevsky*]. Ed. by E.A. Andrushchenko. Moscow, Nauka Publ., 2000. 588 p. (In Russ.)

50. Maistre, Joseph de. *Peterburgskie pis'ma 1803–1817* [*Letters from Petersburg 1803–1817*]. Trans. from French. St. Petersburg, INAPRESS Publ., 1995. 336 p. (In Russ.)

51. Mikhailovskii-Danilevskii, A.I. *Opisanie pervoi voiny imperatora Aleksandra s Napoleonom v 1805 godu* [*Description of Emperor Alexander's First War with Napoleon in 1805*]. St. Petersburg, Tip. Shtaba Otdel'nogo korpusa vnutrennei strazhi Publ., 1844. 291 p. (In Russ.)

52. Mostovshchikova, E.A. "Sakralizatsiia vlasti v Rimskoi imperii i kul't Solntsa" ["The Sacralization of Power in the Roman Empire and the Cult of the Sun"]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, vol. 2, no. 3–2, 2009, pp. 186–193. (In Russ.)

53. Musset, Alfred de. *Ispoved' syna veka* [*The Confession of a Child of the Century*]. Trans. from French by D. Livshits and K. Ksanina. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1958. 272 p. (In Russ.)

54. Napoleon Bonaparte. *O voennom iskusstve. Izbrannye proizvedeniia* [*On the Art of War. Selected Works*]. Preface by E.V. Tarle. Moscow, Eksmo Publ., 2003. 800 p. (In Russ.)

55. *Napoleon v Rossii v vospominaniiakh inostrantsev: v 2 knigakh* [*Napoleon in Russia in the Memoirs of Foreigners: in 2 books*]. Trans. from French and German. Moscow, Zakharov Publ., 2004. (In Russ.)

56. *Napoleon. Gody velichiia: Vospominaniia sekretaria Menevalia i kamerdinera Konstana* [*Napoleon. Years of Greatness: Memories of Secretary Méneval and Valet Constant*]. Trans. by L.N. Zaitsev. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 478 p. (In Russ.)

57. [Napoleon I.] *Istoriia Iuliia Tsezaria (ego voiny). Sochinenie Napoleona I-go, diktovannoe im na ostrove Sv. Eleny g. Marshanu* [*The History of Julius Caesar (His War). A Work by Napoleon I, Dictated on the Isle of St. Helen to Marchand*]. Trans. from French. Moscow, V Universitetskoi tip. (Katkov i K°) Publ., 1865. 159 p. (In Russ.)

58. [Napoleon III.] *Istoriia Iuliia Tsezaria: v 2 tomakh* [*History of Julius Caesar: in 2 vols*]. St. Petersburg, Izdanie kinoprodavtsa-tipografa M.O. Vol'fa Publ., 1865–1866. (In Russ.)

59. Noskov, N.D. *Napoleon. Istoriia velikogo polkovodtsa* [*Napoleon. The History of a Great Commander*]. 2nd Edition. St. Petersburg, Moscow, Izdanie tovarishchestva M.O. Vol'f Publ., 1912. 333 p. (In Russ.)

60. *Otechestvennye zapiski. Zhurnal ucheno-literaturnyi, izdavaemyi Andreem Kraevskim* [*Annals of the Fatherland. A Scholarly and Literary Journal Published by Andrei Kraevsky*], vol. 108. St. Petersburg, V Tip. Koroleva i K° Publ., 1856. 1140 p. (In Russ.)

61. Pérès, Jean-Baptiste. *Pochemu Napoleona nikogda ne sushchestvovalo, ili Velikaia oshibka — istochnik beskonechnogo chisla oshibok, kotorye sleduet otmetit' v istorii XIX v.* [*As if Napoleon Never Existed or Grand Erratum, Source of an Infinite Number of Errata as Noted in the History of the 19th Century*]. Moscow, Tip. G. Lissner Publ., 1912. 22 p. (In Russ.)

62. Petrovskii, N.A. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [*Dictionary of Russian Personal Names*]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1966. 384 p. (In Russ.)

63. Podosokorskii, N.N. *Napoleonovskaia tema v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot": avtoref. ... kand. filol. nauk* [*The Theme of Napoleon in Dostoevsky's Novel* The Idiot*: PhD thesis, summary*]. Velikii Novgorod, 2009. 19 p. (In Russ.)

64. Podosokorskii, N.N. "'Prestuplenie i nakazanie' kak Roman o Roze" ["*Crime and Punishment* as Le Roman de la Rose"]. Motorin, A.V., editor. *Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i prosveshcheniia: Materialy X Mezhdunarodnoi nauch. konf "Dukhovnye nachala russkogo iskusstva i prosveshcheniia" ("Nikitskie chteniia")* [*Spiritual Elements of Russian Art and Enlightenment: Proceedings of the 10th International Academic Conference "Spiritual Elements of Russian Art and Enlightenment" ("Nikita Readings")*]. Velikii Novgorod, NovGU im. Yaroslava Mudrogo Publ., 2010, pp. 92–96. (In Russ.)

65. Podosokorskii, N.N. "Religioznyi aspect napoleonovskogo mifa v romane 'Prestuplenie i nakazanie': obraz 'Napoleona-proroka' i misticheskie sekty russkikh raskol'nikov-pochitatelei Napoleona" ["The Religious Element of the Myth of Napoleon in the Novel *Crime and Punishment*: The Image of 'Napoleon-Prophet' and the Mystic Sects of Russian Schismatics, Worshippers of Napoleon"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 2 (18), 2022, pp. 89–143. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-2-89-143

66. Podosokorskii, N.N. "'Napoleonovskii' Peterburg i ego otrazhenie v romane F.M. Dostoevskogo 'Prestuplenie i nakazanie'" ["'Napoleonic' Petersburg and its Reflection in Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (20), 2022, pp. 71–135. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2022-4-71-135

67. Poliakov, E.N., and Evraskina, E.V. "Arkhitekturnoe nasledie rimskogo imperatora Adriana" ["The Architectural Heritage of the Roman Emperor Adrian"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, no. 3 (28), 2010, pp. 9–26. (In Russ.)

68. Postnikova, A.A. "Frantsuzskii 'Austerlits': zabytaia pobeda ili 'smena disursivnoi formatsii'?" ["The French 'Austerlitz': A Forgotten Victory or a 'Change of Discursive Formation'?"]. *Voprosy vseobshchei istorii*, no. 23, 2020, pp. 254–275. (In Russ.)

69. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh* [*Complete Works: in 10 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1977–1979. (In Russ.)

70. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 20 tomakh* [*Complete Works: in 20 vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999– (continuous publication). (In Russ.)

71. Pflugk-Harttung. *Vsemirnaia istoriia: v 6 tomakh* [*World History: in 6 vols*]. Ed. by N.I. Kareev and S.G. Lozinskii. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1910–1912. (In Russ.)

72. *Rimskie istoriki IV veka* [*Roman Historians of the 4th Century*]. Moscow, Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) Publ., 1997. 414 p. (In Russ.)

73. Rybakov, B.A. *Iazychestvo drevnei Rusi* [*Paganism in Ancient Rus*]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 784 p. (In Russ.)

74. Ségur, comte de. *Pokhod v Rossiiu. Memuary ad"iutanta* [*The Russian Campaign. Memoirs of an Aide-de-Camp*]. Moscow, Zakharov Publ., 2002. 285 p. (In Russ.)

75. Scott, Walter. *Zhizn' Napoleona Bonaparte, imperatora frantsuzov* [*The Life of Napoleon Buonaparte, Emperor of the French*]. Trans. from English by S. de Shaplet. St. Petersburg, Tip. Aleksandra Smirdina Publ., 1831–1832. (In Russ.)

76. Tolstoi, N.I., editor. *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 tomakh* [*Slavonic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1995–2012. (In Russ.)

77. Aizikova, I.A., Kiselev, V.S., and Nikonova, N.E., eds. *Sobranie stikhotvorenii, otnosiashchikhsia k nezabvennomu 1812 godu. Iubileinoe izdanie* [*Collected Poem, Regarding the Unforgettable Year 1812. Anniversary Edition*]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2015. 640 p. (In Russ.)

78. Sokolov, O.V. *Austerlits. Napoleon, Rossiia i Evropa, 1799–1805 gg.: v 2 tomakh* [*Austerlitz: Napoleon, Russia, and Europe, 1799–1805*]. Moscow, Rus. impul's Publ., 2006. (In Russ.)

79. Sokolov, O.V. *Bitva dvukh imperii. 1805–1812. Glavnaia kniga o prichinakh voiny 1812 goda* [*The Battle of the Two Empires. 1805–1812. The Main Book on the Causes of the War of 1812*]. Moscow, Iauza-katalog Publ., 2020. 480 p. (In Russ.)

80. Stepanian, K.A. *Putevoditel' po romanu F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie": Uchebnoe posobie* [*Guide to Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment*: A Textbook*]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 2014. 208 p. (In Russ.)

81. Superanskaia, A.V. *Sovremennyi slovar' lichnykh imen: Sravnenie. Proiskhozhdenie. Napisanie* [*Modern Dictionary of Personal Names: Comparison. Origin. Writing*]. Moscow, Airis-press Publ., 2005. 384 p. (In Russ.)

82. Talychova, T. "Beranzhe i ego perevodchik" ["Béranger and His Translator"]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 144, no. 9, 1862, pp. 1–54. (In Russ.)

83. Tarle, E.V. *Sochineniia: v 12 tomakh* [*Works: in 12 vols*]. Ed. by A.S. Erusalimskii. Moscow, AN SSSR Publ., 1957–1961. (In Russ.)

84. Tikhomirov, B.N. *"Lazar'! Griadi von". Roman F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" v sovremennom prochtenii. Kniga-kommentarii* [*"Lazarus, Come Out." A Contemporary Reading of Dostoevsky's Novel* Crime and Punishment. *Book-Commentary*]. 2nd Ed. revised and amended. St. Petersburg, Serebriannyi vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)

85. Tikhomirov, B.N. "Pochemu Rodion Raskol'nikov?" ["Why Rodion Raskolnikov?"]. *Russkaia rech'*, no. 2, 1986, pp. 35–39. (In Russ.)

86. Tolstoi, L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [*Complete Works: in 90 vols*]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1935–1958. (In Russ.)

87. Trachevskii, A.S. *Napoleon I. Ego zhizn' i gosudarstvennaia deiatel'nost'. Biograficheskii ocherk* [*Napoleon I. His Life and Statesmanship. Biographical Essay*]. St. Petersburg, Tip. Iu.N. Erlikh Publ., 1900. 112 p. (In Russ.)

88. Troitskii, N.A. *Napoleon Velikii: v 2 tomakh* [*Napoleon the Great: in 2 vols*]. Comp. and intro. by M.V. Kovalev and Iu.G. Stepanov. Moscow, Politicheskaia Entsiklopediia Publ., 2020. (In Russ.)

89. Tugan-Baranovskii, D.M. *Napoleon i vlast' (epokha konsul'stva): Monografiia* [*Napoleon and Power (The Consulate Period): A Monography*]. Balashov, Izd-vo BGPI Publ., 1993. 304 p. (In Russ.)

90. Thiers, Adolphe. *Istoriia Konsul'stva i Imperii. Imperiia: v 4 tomakh* [*History of the Consulate and the Empire. Empire: in 4 vols*]. Trans. from French by O. Vainer. Moscow, Zakharov Publ., 2013–2014. (In Russ.)

91. Tulard, Jean. *Napoleon, ili Mif o "spasitele"* [*Napoleon: The Myth of the Savior*]. Trans. from French by A.P. Bondarev; intro. by A.P. Levandovskii. 3rd Edition. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 365 p. (In Russ.)

92. Utchenko, S.L. *Iulii Tsezar'* [*Julius Ceasar*]. Moscow, Mysl' Publ., 1976. 365 p. (In Russ.)

93. Fedotova, E.D. *Kanova: Khudozhnik i ego epokha* [*Canova: The Artist and His Age*]. Moscow, Respublika Publ., 2002. 527 p. (In Russ.)

94. Faure, Paul. *Aleksandr Makedonskii* [*Alexander the Great*]. Trans. from French by I.I. Makhan'kov; ed. by E.G. Iunts. 3rd Edition. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 412 p. (In Russ.)

95. Fureix, Emmanuel. *Oskorblennyi vzor. Politicheskoe ikonoborchestvo posle Frantsuzskoi revoliutsii* [*The Insulted Look. Political Iconoclasm after the French Revolution*]. Trans. from French by V. Mil'china. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 624 p. (In Russ.)

96. Tsirkin, Iu.B. *Mify Drevnego Rima* [*Myths of Ancient Rome*]. Moscow, Astrel': AST Publ., 2000. 560 p. (In Russ.)

97. Chandler, David. *Voennye kampanii Napoleona. Triumf i tragediia zavoevatelia: Monografiia* [*The Campaigns of Napoleon*]. Trans. from English by N.B. Chernykh-Kedrovaia. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2000. 693 p. (In Russ.)

98. Shirokova, N.S. "Kul't Apollona v kel'tskikh provintsiiakh Rimskoi imperii" ["The Cult of Apollo in the Celtic Provinces of the Roman Empire"]. *Novyi Germes*, no. 12–1, 2020, pp. 184–199. (In Russ.)

99. Julian, emperor. *Polnoe sobranie tvorenii* [*Complete Works*]. St. Petersburg, Izdatel'skii proekt "Kvadrivium" Publ., 2016. 1088 p. (In Russ.)

100. Étienne, Robert. *Tsezar'* [*Ceasar*]. Trans. from French by E.M. Draitova; ed. and intro. by E.V. Liapustina. 2nd Edition. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2009. 299 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 23.04.2023
Одобрена после рецензирования: 05.05.2023
Принята к публикации: 10.05.2023
Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 23 Apr. 2023
Approved after reviewing: 05 May 2023
Accepted for publication: 10 May 2023
Date of publication: 25 Jun. 2023